

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Даже в лучших
домах

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Даже в лучших домах

«Азбука-Аттикус»

1950

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Даже в лучших домах / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1950 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-19415-1

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. В романе «Даже в лучших домах» знаменитый детектив вновь сталкивается с королем преступного мира Арнольдом Зеком. По просьбе миссис Рэкхем Вулф берется выяснить, как и откуда ее муж добывает деньги, поскольку она перестала оплачивать его расходы, а он продолжает вести роскошный образ жизни. Через час после разговора с миссис Рэкхем Вулф получает коробку со слезоточивым газом – предупреждение от Зека. А на следующий день миссис Рэкхем убивают. Вулф решает раз и навсегда разобраться с Зеком и надолго уходит в подполье, даже Арчи Гудвин не знает, где скрывается его босс...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19415-1

© Стаут Р. Т., 1950
© Азбука-Аттикус, 1950

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	30
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рекс Стаут

Даже в лучших домах

© 1950 by Rex Stout IN THE BEST FAMILIES

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

© А. В. Санин, перевод, 1992

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

Глава 1

В том, что миссис Барри Рэкхем договаривалась о встрече, плотно прижав палец к губам, не было ничего удивительного. Что необычного может быть в этом жесте, если люди попадают в такой переплет, когда им не остается ничего лучшего, как обратиться за помощью к Ниро Вулфу?

Впрочем, в данном случае насчет пальца я выразился фигурально, поскольку мы с миссис Барри Рэкхем беседовали по телефону. Все дело было в ее голосе, приглушенном и нервном. К тому же она без конца повторяла, что вопрос у нее совершенно, ну совершенно конфиденциальный. Даже после того, как я клятвенно заверил, что мы вовсе не всякий раз спешим известить прессу о том, что уговорились с кем-то о деловом свидании. Заканчивая разговор, она еще раз не поленилась напомнить, что предпочитает переговорить с мистером Вулфом с глазу на глаз, так что, повесив трубку, я счел нелишним позвонить в банк, мистеру Митчеллу, а также в «Газетт» Лону Коэну, чтобы аккуратно навести справки о возможной клиентке.

Естественно, главным образом меня интересовала ее платежеспособность. Что ж, сведения оказались утешительными: стоила она добрых четыре миллиона, а то и все пять. Ладно, пусть четыре и пусть даже Вулф выставит счет лишь на половину этой суммы, все равно этого хватит, чтобы выплачивать жалованье мне – его секретарю и доверенному помощнику, а также назойливому оводу, который не дает ему бить баклуши, – в ближайшие сто шестьдесят семь лет. Добавлю к тому же, что, постоянно проживая в доме Вулфа, я имею еще стол и крышу над головой. Так что, как ни крути, я буду обеспечен по гроб жизни, если, конечно, она оценит оказанные ей услуги в два миллиона.

А она вполне могла позволить себе такое, судя по ее виду и поведению на следующее утро, в пятницу, в одиннадцать, когда раздался звонок и я открыл ей дверь. Рядом с ней на крыльце стоял какой-то мужчина, а она, метнув рысий взгляд на восток, потом на запад, оттеснила его плечом, резво проскочила в дом, уцепила меня за рукав и заявила громким шепотом:

– Вы не Ниро Вулф!

В тот же миг она отпустила меня, схватила за локоть своего провожатого, перетащила его через порог и громогласно повелела:

– Зайди и закрой дверь!

Ну точь-в-точь как герцогиня в лавке ростовщика.

Мне, правда, всегда казалось, что герцогиня должна выглядеть более привлекательной. Я успел как следует разглядеть эту парочку, пока вешал взятые из рук мужчины пальто и шляпу. Выглядела миссис Рэкхем парадоксально: все, что выше шеи, худое и костлявое, а ниже – наоборот, пышное, и даже чересчур. На щеках, скулах и подбородке кожа гладкая, туго натянутая, а вот вокруг рта и носа разбегаются сеточки морщин.

Помогая ей снять меховое манто, я сказал:

– Послушайте, миссис Рэкхем, вы ведь пришли посоветоваться с Ниро Вулфом?

– Да, – прошептала она, потом кивнула и громко добавила: – Естественно.

– Тогда перестаньте дрожать, если можете, конечно. Мистеру Вулфу крайне неприятно, когда женщина дрожит. Он способен даже вбить себе в голову, что вы собираетесь закатить истерику, и тогда никто на свете не заставит его выслушать вас. Так что глубоко вдохните и постарайтесь взять себя в руки.

– Ты и в машине всю дорогу дрожала, – добавил ее спутник приятным баритоном.

– Ничего подобного! – отрезала она и, не дождавшись возражений, повернулась ко мне. – Это мой кузен Кэлвин Лидс. Он отговаривал меня приезжать к вам, но я тем не менее захватила его с собой. Где мистер Вулф?

Я указал на дверь, ведущую в кабинет, пошел и распахнул ее, а затем провел их внутрь.

Мне до сих пор так и не удалось понять, чем руководствуется Вулф, решая, вставать ему или нет, когда в кабинет входит женщина. Если им движут объективные причины, то они слишком сложны для моего разума, а если личные, тогда их столько, что я даже не знаю, с какой начинать.

На сей раз Вулф не счел нужным даже слегка привстать из-за стола в углу возле окна, а довольствовался сухим кивком и каким-то невнятным бормотанием в ответ на представление. В первый миг мне показалось, что миссис Рэкхем смотрит на босса с укоризной, порицая его дурные манеры, но потом я сообразил, что она попросту ошеломлена, не в силах поверить, что он такой большой и толстый. Я-то уже настолько привык к его необъятным размерам, что стал потихоньку забывать о том, как это зрелище поражает людей, которые видят Вулфа впервые.

Он ткнул большим пальцем в направлении красного кожаного кресла перед столом и буркнул:

– Садитесь, мадам.

Она приблизилась и села. Я тоже уселся за свой стол, стоявший под углом к столу Вулфа. Кэлвин Лидс, кузен, присаживался дважды, сначала на диван у двери, а потом на стул, который я ему пододвинул.

На первый взгляд я бы рискнул предположить, что и он, и миссис Рэкхем явились в этот мир одновременно с XX веком, хотя кузен, возможно, был чуть-чуть старше. Кожа на его грубоватом лице казалась задубевшей. Волосы, некогда темные, изрядно поседел. Но при всем этом этот средних статей мужчина сохранял вполне приличную резвость и живость. Он уже успел бросить взгляд на Вулфа, оглядеться по сторонам и теперь выжидательно смотрел на кузину.

Миссис Рэкхем обратилась к Вулфу:

– Пожалуй, вам не просто гоняться за преступниками, да?

– Вот уж не знаю, – учтиво ответил он. – Я много лет этим не занимался, да и не собираюсь. За меня это делают другие. – Он указал на меня. – Мистер Гудвин, конечно, и еще кое-кто, когда требуется. А что, вам надо за кем-то гоняться?

– Да. – Она замолчала; уголки ее рта подергивались. – Думаю, да. Если, конечно, это можно сделать без огласки, скрытно... Я имею в виду, чтобы никто об этом не знал. – Ее губы опять дернулись. – Мне страшно стыдно... в моем возрасте, впервые в жизни... обратиться к частному детективу по личному делу.

– Тогда тебе не следовало приходить, – мягко сказал Лидс.

– Тогда вы пришли слишком рано, – поправил Вулф.

– Слишком рано? Почему?

– Нужно было дождаться, пока дело не станет настолько неотложным или важным, что вы не постесняетесь обратиться за помощью, тем более такой недешевой, как моя. – Он покачал головой. – Слишком рано. Возвращайтесь тогда и в том случае, когда поймете, что иначе нельзя.

– Ты слышишь, Сара? – спросил Лидс, не слишком, впрочем, настойчиво.

Не замечая его, она наклонилась и выпалила:

– Нет-нет, я уже пришла! Я должна знать! Я должна знать о моем муже!

Голова Вулфа резко дернулась, и он обжег меня испепеляющим взглядом. Я не отвел глаза и с достоинством ответил:

– Нет, сэр, это не так. В противном случае она солгала. Я предупредил, что мы не беремся за дела о супружеской неверности и не занимаемся слежкой за мужем или женой, и она заявила, что ее вопрос заключается совсем в другом.

Вулф отвернулся от меня и требовательно спросил:

– Вы желаете, чтобы мы установили слежку за вашим мужем?

– Я... я не знаю. Не думаю, что...

– Вы подозреваете его в измене?

– Нет! Ни в коем случае!

Вулф хрюкнул, откинулся на спинку кресла, поерзал, устраиваясь поудобнее, и буркнул:

– Расскажите обо всем по порядку.

Подбородок миссис Рэкхем мелко задрожал. Она взглянула на Лидса. Тот вскинул брови и потряс головой, но не отрицательно, а как бы оставляя решение за кухней. Вулф снова хрюкнул. Она посмотрела на него и уныло пролепетала:

– Я неврастеничка.

– А я не психиатр, – огрызнулся Вулф. – И сомневаюсь, что...

– Я всю жизнь была неврастеничкой, – оборвала она Вулфа. – Я росла одна, без братьев и сестер. Моя мать умерла, когда мне было три года. Отец не уделял мне времени из-за моей отталкивающей внешности. Когда он умер – мне было двадцать, – я плакала на похоронах... Не потому, что потеряла его, а потому, что он не позволил бы мне стоять в такой близости от него при отпевании, по дороге на кладбище или возле могилы. – Ее губы опять затряслись, но она уняла дрожь и взяла себя в руки. – То, что я рассказываю, тайны ни для кого не составляет, но я хочу, чтобы вы поняли, зачем мне понадобилась помощь. Я так до сих пор и не знаю, почему мой первый муж женился на мне. Он был вполне обеспечен и крепко стоял на ногах. Прошло совсем немного времени, и он уже не выносил одного моего вида, как и отец. Поэтому я...

– Это вовсе не так, Сара, – вмешался Кэлвин Лидс. – Ты просто себе внушаешь...

– Ерунда! – отмахнулась она. – Уж не такая я психопатка! Поэтому я подала на развод, который он, по-моему, воспринял с радостью, хотя был слишком хорошо воспитан, чтобы в том признаться. Я спешила покончить со всеми формальностями, желая скрыть от него свою беременность. Вскоре после развода у меня родился сын, и это, конечно, кое-что осложнило. Тем не менее я воспитывала ребенка одна... И он был мой, только мой, до тех пор пока не пошел на войну. Он никогда не проявлял ко мне неприязни, даже чисто внешне, в отличие от моего отца или мужа. Он не стыдился того, что его мать такая уродина. Ему было хорошо со мной. Так ведь, Кэлвин?

– Конечно, – заверил Лидс, и, кажется, вполне искренне.

Она согласно кивнула и умолкла, отрешенно глядя прямо перед собой. Потом вдруг вздрогнула, словно вспомнила про Вулфа.

– Да, перед тем как отправиться на войну, он женился, причем на очень милой девушке. Это неправда, будто я хотела, чтобы его избранница походила на меня. Но естественно, я не могла не заметить, что он выбрал мою противоположность. Аннабел просто писаная красавица. Я гордилась, что она вышла за моего сына. Это уравнило мои счета с другими красивыми женщинами, которых я встречала и знала. Она думает, что я ненавижу ее, но это неправда. К таким нервным людям, как я, нельзя подходить с обычными мерками. Поймите меня правильно: я вовсе не виню Аннабел, так как прекрасно знаю, что, когда из Германии пришла весть о гибели моего мальчика, ее потеря оказалась горше моей. Тогда он был уже не мой, он принадлежал ей.

– Прошу прощения, – вежливо, но решительно вмешался Вулф, – вы хотели посоветоваться со мной о вашем муже. Из ваших слов явствует, что вы разведены, верно?

– Нет, конечно! Я... – Она спохватилась. – Ох! Это же мой второй муж. Я просто хотела, чтобы вы все поняли.

– Попытаюсь. Давайте поговорим о нем.

– Его зовут Барри Рэкхем. – Она произнесла это имя так, словно имела на него авторские права или по меньшей мере получила его до конца жизни в аренду. – Он играл в футбол в Йельском университете, потом до самой войны работал на Уолл-стрит. В конце войны он

дослужился до майора, хотя за четыре года мог достичь и большего. Поженились мы в тысяча девятьсот сорок шестом – три года и семь месяцев тому назад. Он на десять лет моложе меня.

Миссис Барри Рэхем замолчала, не сводя глаз с лица Вулфа, словно ожидая комментария, но его не последовало. Вулф лишь сделал попытку подстегнуть ее, глухо произнеся:

– И потом?

– Я думаю, – сказала она, словно сдаваясь, – во всем Нью-Йорке не сыскать человека, который не был бы уверен, что Барри женился на мне только из-за денег. Все знают больше меня, потому что я никогда не задавала ему лишних вопросов, а он единственный, кому это доподлинно известно. В одном я убеждена: он не испытывает неловкости, глядя на меня. Это я знаю точно, поскольку очень ранима и очень страдаю из-за этого, а он с самого начала не питал ко мне неприязни. Конечно, он понимает, как я выгляжу, насколько я безобразна, но он же в этом не виноват, и его это не раздражает, даже... – Она запнулась, и ее щеки вспыхнули.

Кэлвин Лидс кашлянул и заерзал на стуле. Вулф прикрыл глаза и через мгновение снова раскрыл их. Я не отводил от нее взгляда, чтобы она не подумала, будто меня смутил ее девичий румянец. Впрочем, ей было не до меня.

– В любом случае, – продолжила она, когда ее щеки приобрели прежний оттенок, – я все держу в своих руках. Дом записан на мое имя, я оплачиваю все счета, и содержание машины, и все прочее, но не выделяю ему никаких средств – это мы нигде не обговаривали. Хотя порой мне кажется, что это не совсем справедливо. Когда ему требовались деньги, я никогда не отказывала и не задавала никаких вопросов. Во всяком случае, почти никогда. Но на второй год совместной жизни запросы его увеличились, а на третий – возросли еще больше, и мне показалось, что это уже чересчур. Три раза я давала ему меньше денег, чем он просил, существенно меньше, а однажды вообще наотрез отказала. Я по-прежнему ни о чем его не расспрашивала, но он сам объяснил, зачем ему деньги, и попытался уговорить меня, достаточно, впрочем, тактично, но я настояла на своем. Я чувствовала, что надо как-то положить этому конец. Хотите знать, сколько он запросил?

– Не особенно, – пробурчал Вулф себе под нос.

– В последний раз, когда я ему отказала, он просил пятнадцать тысяч. – Она нагнулась вперед. – Больше он ко мне с такими просьбами не обращался. Это случилось семь месяцев назад, второго октября, и с тех пор он ни разу не просил денег, ни разу! А тратит он много, больше прежнего. Причем на что он только не тратится! На прошлой неделе, например, заказал дорогой ужин на тридцать восемь персон в университетском клубе. Я хочу знать, откуда у него деньги. Я уже давно об этом размышляла, месяца два, но представления не имела, что предпринять. Я не могла довериться своему юристу или банкиру – никому, однако нуждалась в помощи и потому обратилась к своему кузену Кэлвину Лидсу. – Она метнула в него взгляд. – Он сказал, что попробует что-нибудь выяснить, но так ничего и не узнал.

Мы все посмотрели на Лидса. Он поднял руку ладонью вверх.

– Ну, – начал он, не то оправдываясь, не то протестуя, – я же не профессиональный детектив. Я спросил его прямо в лоб, а он просто расхохотался. Ты же не хотела, чтобы кто-нибудь об этом узнал, поэтому я даже не пытался наводить справки. Я сделал все, что было в моих силах, Сара, сама знаешь.

– Мне кажется, – заметил Вулф, – что мистер Лидс поступил вполне разумно: не мудрствуя лукаво взял и спросил самого мистера Рэхема. А вам такое в голову не приходило?

– Конечно приходило. Еще давно. И муж ответил, что сделанное им вложение капитала превосходно окупается.

– Может, так оно и есть. Почему бы и нет, в самом деле?

– О нет, только не у моего мужа. – В ее голосе не было и тени сомнения. – Уж я-то знаю, как он обращается с деньгами. Ему ни за что на свете не сделать удачного вложения. И еще: он стал реже бывать дома. Теперь я не всегда знаю, где он находится. Не хочу сказать, что он

пропадает неделями или даже сутками, нет. Иногда надолго отлучается днем, а порой вечером... И еще у него несколько раз случались встречи, которые он не согласился отложить, как я ни просила... – Вулф хрюкнул, и она напустилась на него: – Я знаю! По-вашему, я уверена, что купила мужа с потрохами, что он – моя собственность! Ничего подобного! Я хочу только быть как все жены, как обычная жена. Не красивая и не безобразная, не богатая и не бедная – просто жена! А разве жена не имеет права знать, откуда берутся деньги у ее мужа? Разве она не должна знать? Будь вы женаты, неужели вы не хотели бы, чтобы она знала?

– Позвольте вам сказать, мадам, – поморщился Вулф, – чего я не хочу. Я не хочу приниматься за это дело. Мне кажется, вы сознательно водите меня за нос. Вы подозреваете, что муж обманывает вас либо в супружеской жизни, либо в финансовых вопросах, и хотите, чтобы я уличил его. – Он повернулся ко мне. – Арчи, тебе придется изменить формулировку. Отныне, когда будут просить о встрече, не ограничивайся сообщением, что мы не беремся за дела о супружеской неверности и не занимаемся слезкой за мужем или женой. Уточняй, что мы ни за какие коврижки не возьмемся изобличать мужа или жену, под каким бы соусом это ни преподносили. Могу я спросить, что вы делаете, миссис Рэкхем?

Раскрыв сумочку из коричневой кожи, она извлекла оттуда чековую книжку и изящную золотую ручку. Затем положила чековую книжку на сумочку и принялась писать. Вопрос Вулфа так и висел в воздухе, пока она не закончила водить пером, а потом вырвала чек, сунула книжечку и ручку в сумочку и защелкнула ее. Затем посмотрела на Вулфа:

– Я вовсе не хочу, чтобы вы изобличали моего мужа, мистер Вулф. – Она держала чек кончиками пальцев, словно боясь обжечься. – Богом клянусь, не хочу! Но я должна знать. Я безобразная, закомплексованная неврастеничка, а вы такой крупный и искусный, вам сопутствует успех, и вы ничего не боитесь... Когда я осознала, что мне нужна помощь, а мой кузен не в состоянии помочь и обратиться не к кому, то все тщательно взвесила. Я тайком навела о вас справки, так чтобы никто про это не прознал или, во всяком случае, не догадался. Конечно, если муж замыслил против меня что-то дурное, я с ним порву. Но я вовсе не хочу, чтобы вы пытались вывести его на чистую воду. Я хочу лишь знать правду. Вы величайший сыщик в мире и честный человек. Я хочу заплатить вам только за то, чтобы вы выяснили, где и как мой муж зарабатывает деньги, и все. Вы не вправе отказать мне в этом. Просто не вправе. – Она встала с кресла, подошла и положила чек на стол. – Здесь указана сумма в десять тысяч долларов, но я вовсе не считаю, что этого достаточно. Сколько вы скажете, столько я и заплачу. Но не вздумайте говорить, что я прошу вас изобличить его! Боже мой – изобличить его?!

Я даже немного посочувствовал ей, хотя она относилась к той породе людей, которые искренне убеждены, что богачам все дозволено, стоит лишь потрясти мощной. Простые слушающие, вроде частного детектива например, таких обычно на дух не переносят. В здравом смысле этим богатым, конечно, не откажешь, но вот одного они никак не способны уразуметь: из всякого правила есть исключения.

Данный случай, впрочем, к исключениям не относился. И я надеялся, что Вулф тоже это поймет. Он понял. Его банковский счет еще не оправился от кошмарного потрясения, случившегося пятнадцатого марта¹, каких-то три недели назад. Не то бы он, конечно, заупрямился. Вулф нагнулся вперед, чтобы взглянуть на чек, перехватил мой взгляд, прочитал мои мысли, тяжело вздохнул и сказал:

– Блокнот, Арчи. Проклятье!

¹ Пятнадцатое марта в те годы являлось последним сроком уплаты налогов за прошедший год (теперь это пятнадцатое апреля).

Глава 2

На следующее утро, в субботу, я сидел в кабинете и печатал итоговый отчет о деле, рассказывать о котором, извините, не стану, чья строжайший запрет упоминать о нем даже в миле от газетчика или микрофона. Мы уже ввязались в дело миссис Рэкхем, благо я депонировал ее чек днем в пятницу, но пока еще ничего не предприняли, даже не позвонили ни по одному из телефонов, которые она нам оставила. Вулф решил, что прежде всего мы должны познакомиться с ее мужем. А поскольку у Вулфа есть железное правило никогда не отлучаться из дому по делам и не нашлось приличного предлога, чтобы позвать Барри Рэкхема к нам, завязать знакомство было поручено мне. И я уже придумал, как это устроить.

Миссис Рэкхем настаивала на том, что ее муж не должен даже заподозрить, что за ним ведут слежку. Да и вообще, пусть это остается тайной для всех. Тем самым она, конечно, усложнила мою задачу. Она также решительно отвергла идею пригласить меня на уик-энд в Уэстчестер, в ее загородный дом, где ожидалась небольшая компания, под тем предлогом, что кто-то может опознать Арчи Гудвина, помощника Ниро Вулфа. И тогда Кэлвин Лидс внес предложение, которое было принято. Он владел небольшим участком земли на краю владений миссис Рэкхем под названием Хиллсайд-Кеннелс. Там Лидс разводил породистых собак. Месяц назад кто-то отравил одну псину ценной породы. Вот мы и решили, что в субботу днем я отправлюсь туда под собственным именем – как детектив Арчи Гудвин, который расследует отравление собаки. А потом кузина пригласит Лидса в свое имение Берчвейл на обед, и Лидс прихватит меня с собой.

Итак, ясным субботним утром я сидел в кабинете – Вулф, как обычно, с девяти до одиннадцати торчал наверху, в оранжерее, – заканчивая печатать отчет без особых помех, за исключением пары телефонных звонков, с которыми я справился сам, и одного, из-за которого пришлось побеспокоить Вулфа.

В ресторан «У Маммиани» на Фултон-стрит привезли восемь фунтов свежих колбасок от Билла Дарста из Хэкеттстауна и половину готовы были уступить Вулфу. Поскольку Вулф почитает Дарста за лучшего колбасника к западу от Шербура, он потребовал, чтобы колбаски немедленно доставили с посыльным, только ни в коем случае не в сухом льду.

Когда в 11:01 послышался шум спускающегося лифта, я разложил перед собой на столе большой словарь, раскрытый на букве «К», и уткнулся в него, не обращая внимания на Вулфа, который вошел в кабинет, прошествовал к изготовленному для него на заказ креслу и сел. Ключнул он не сразу, поскольку мысли его витали где-то далеко. Прежде чем позвонить Фрицу, чтобы тот принес пиво, он спросил:

– Колбаски доставили?

Не поднимая головы, я ответил, что нет.

Он дважды надавил на кнопку – сигнал Фрицу нести пиво, – откинулся на спинку кресла и хмуро посмотрел на меня. Выражения его лица я разобрать, конечно, не мог, так как был полностью поглощен чтением словаря, но оно легко угадывалось по тону.

– Что ты там разглядываешь? – спросил он.

– Да так, смотрю одно слово, – небрежно бросил я. – Проверяю нашу клиентку. Мне подумалось, что с ее стороны было невежливо назвать вас крупным – помните? Ан нет – оказалось, что она просто вам польстила. Вот смотрите, черным по белому: «Крупный – большой, значительный, рослый, внушительных размеров». Например, «крупная сумма денег». Так что, выходит, вы и впрямь крупный детектив, то есть внушительных размеров. – Я захлопнул словарь и водрузил его на место, жизнерадостно присовокупив: – Век живи – век учись!

Увы, я зря старался. По всем правилам мне полагалось получить нахлобучку и еще долго выслушивать нравоучения, но, видно, сейчас он был слишком занят своими мыслями. Воз-

можно, даже не слышал меня. Когда Фриц принес пиво из кухни, Вулф достал из ящика стола золотую открывалку, которую преподнес ему благодарный клиент, и изрек:

– Хорошие новости, Фриц. Нам доставят колбаски от мистера Дарста – целых четыре фунта.

Глаза Фрица засияли.

– Вот это да! Сегодня?

– С минуты на минуту. – Вулф налил себе пива. – И это вынуждает меня вновь вернуться к вопросу о гвоздике. Твое мнение?

– Я против! – уверенно заявил Фриц.

– Возможно, ты и прав, – кивнул Вулф. – Подчеркиваю – возможно. Кстати, помнишь, что говорил на сей счет Марко Вукчич в прошлом году? Надо пригласить его на колбаски. Может, в понедельник на ланч?

– Пожалуй, да, – согласился Фриц, – хотя мы договорились о том, что в понедельник нам доставят шэда с икрой...

– Я помню. – Вулф осушил стакан и вытер платком губы. Он всегда считал, что мужские платки должны пахнуть только пивом. – Значит, в понедельник за обедом Марко сначала полакомится колбасками, а потом отведает утку по рецепту Мондора². – Он наклонился вперед и погрозил пальцем. – Теперь о луке-шалоте и свежем тимьяне: на твоём месте я не стал бы полагаться на мистера Колсона. Нас могут опять подвести. Арчи придется съездить к...

На этом месте Арчи пришлось идти отпирать дверь, что я сделал с превеликим удовольствием. Я высоко ценю, причем почти всегда, результаты глубокомысленных кулинарных бесед Фрица и Вулфа, когда блюда подают на стол, но сама болтовня действует мне на нервы. Так что, когда в дверь позвонили, я охотно оторвался от стула и заспешил в прихожую.

На крыльце стоял моложавый субъект с приплюснутым носом и свертком в руках, в шапочке с надписью: «Служба доставки Флита». Я расписался на квитанции, закрыл дверь и двинулся к кабинету, перед которым меня ждал уже не только Фриц, но и сам Вулф, проявляющий недюжинное проворство в тех случаях, когда, как ему кажется, дело того стоит. Он принял сверток из моих рук и торжественно прошествовал на кухню, сопровождаемый по пятам Фрицем и мной.

Небольшая картонная коробка была заклеена липкой лентой. Вулф поставил коробку на длинный стол, достал со стойки нож, перерезал ленту и приподнял край крышки. Я всегда гордился своей реакцией, и не зря. В тот миг, когда послышалось шипение, я рванул Вулфа за руку и крикнул Фрицу:

– Ложись! Бомба!

Вулф, как я уже упоминал, при желании способен передвигаться с поразительной для человека его габаритов прытью. В мгновение ока мы с ним очутились в прихожей, Фриц пулей вылетел следом и даже успел захлопнуть за собой дверь, а взрыв еще не раздался. Не замедляя хода, мы пересекли прихожую и ворвались в кабинет, где притормозили, чтобы перевести дух. Взрыва по-прежнему не было.

– Эта штука все еще шипит, – заметил я и начал подкрадываться к двери.

– Назад, Арчи! – проревел Вулф.

– Тише! – отмахнулся я и, опустившись на четвереньки, выбрался в прихожую.

Там я повел носом по сторонам, втягивая воздух, подполз на один ярд к щели под кухонной дверью и снова принюхался.

Секунду спустя я принял вертикальное положение, отряхнулся, возвратился в кабинет и снисходительно поведал:

– Пустяки. Слезоточивый газ. И шипение прекратилось.

² *Пьер Мондор* – известный шеф-повар из романа Рекса Стаута «Слишком много поваров».

Вулф возмущенно засопел.

– Значит, колбасок не будет, – мрачно произнес Фриц.

– Окажись в этой картонке настоящая бомба, колбасок было бы предостаточно, – заверил я. – Только не для нас, а из нас. Тем не менее хлопот нам все равно задали. Так что посидите пока здесь и почешите языки.

Я решительно протопал в прихожую, прикрыв за собой дверь, отомкнул парадную дверь и оставил ее раскрытой настежь, подошел к кухонной двери, постоял перед ней, потом, набрав в легкие воздуха, вошел на кухню, пробежал через нее к черному ходу, распахнул дверь, выходящую во двор, и бегом вернулся в прихожую. Там стоял удушливый запах газа, так что я ретировался на крыльцо. Не прошло и минуты, как меня окликнули:

– Арчи!

Я повернулся. Мясистая, немного удлинённая физиономия Вулфа маячила в окне гостиной.

– Да, сэръ? – радостно осклабился я.

– Кто принес коробку?

Я не стал выгораживать Службу доставки Флита.

Посчитав, что сквозняк уже достаточно очистил воздух, я вернулся на кухню, где ко мне примкнул Фриц. Мы внимательно изучили внутренность коробки и пришли к выводу, что устройство было довольно нехитрое: металлический цилиндр с клапаном, который приходил в движение, как только кто-то попытается ее открыть. Вблизи коробки еще чувствовался резкий запах газа, и Фриц отнес ее в подвал. Я же прошел в кабинет, где застал Вулфа сидевшим за столом и оживленно беседовавшим по телефону.

Я плюхнулся на свой стул и промокнул носовым платком слезящиеся глаза.

– Ну что, разоблачили этих лицезмеров? – поинтересовался я, когда он положил трубку.

– Я с самого начала был уверен, что Флит здесь ни при чем, – проворчал Вулф.

– Конечно. Позвать полицейского?

– Нет.

– Вопрос был чисто риторический, – согласно кивнул я, снова протер глаза и высморкался. – Ниро Вулф не обращается в полицию. Ниро Вулф сам вскрывает все посылки с колбасками и оставляет своих врагов в дураках. – Я еще раз высморкался. – Правда, в один прекрасный день Ниро Вулф вскроет не ту коробку, и тогда то, что от него останется...

– Твой вопрос был не риторическим, – грубо оборвал меня Вулф. – Слово «риторический» имеет другой смысл.

– Вот как? Но вопрос-то задал я. И я хотел, чтобы он звучал риторически. Кстати, как вы докажете, что я не знаю значения слова «риторический»? – Я шумно высморкался. – Всякий раз, когда вы задаете мне вопрос, а это, Бог свидетель, случается сплошь и рядом, должен ли я предполагать, что...

Зазвонил телефон. В миллион обязанностей, за которые мне платят жалованье, входят и секретарские функции, так что я снял трубку. И тут случилось кое-что из ряда вон выходящее. Нечего и говорить о том, что этот голос потряс меня. Я вдруг ощутил, что под ложечкой предательски засосало. Шок бывает тем сильнее, чем меньше ты его ожидал, но я никак не могу сказать, что голос, прозвучавший в телефонной трубке, оказался для меня сюрпризом. Напротив, думаю, что мы оба, Вулф и я, сидели и переливали из пустого в порожнее в ожидании, что раздастся именно этот голос.

Все, что он произнес, было:

– Могу я переговорить с мистером Вулфом?

В желудке у меня что-то оборвалось, но я охотнее сгорел бы в геенне огненной, чем обнаружил свою слабость. Я ответил, не слишком, впрочем, учтиво:

– А, приветик. Если это вы, конечно. Кажется, вас когда-то звали Дункан?

- Да. Мне мистера Вулфа, пожалуйста.
- Минутку. – Я прикрыл трубку рукой и сказал Вулфу: – Это он.
- Кто? – рявкнул Вулф.
- Вы уже догадались по выражению моего лица. Мистер Икс. Мистер Зек. Он. Стиснув зубы, Вулф потянулся к телефону:
- Ниро Вулф слушает.
- Здравствуйте, мистер Вулф.

Я продолжал держать возле уха параллельную трубку, и жесткий, холодный и четкий голос звучал в ней точно так же, как и четыре предыдущих раза за последние три года, когда мне доводилось его слышать³. Он отчетливо произнес, чеканя каждое слово:

- Вы узнали меня?
- Да, – отрывисто сказал Вулф. – Что вам угодно?

– Хотел напомнить, что я умею быть великодушным. Сами понимаете, в коробке могло оказаться нечто посерьезнее безобидного газа, но я решил ограничиться предупреждением. К тому же год назад я говорил, что без вас наш мир во многом утратит свою привлекательность.

- Согласен, – сухо бросил Вулф.

– Несомненно. Кстати, я не забыл, как вы блестяще изобличили убийцу Луиса Рони⁴. Впрочем, тогда наши интересы совпали. Теперь же, когда вы занялись делом миссис Барри Рэкхем, они расходятся, так что я не могу с этим примириться. Из уважения к вам я не хочу, чтобы вы лишились гонорара. Возвратите задаток, откажитесь от дела, и через два месяца, считая с сегодняшнего дня, я вручу вам десять тысяч наличными. В прошлом вы дважды пренебрегли аналогичным предложением с моей стороны, но обстоятельства спасали вас. Больше не советую рисковать. Придется вам понять, что...

Вулф отнял трубку от уха и аккуратно положил ее на рычажки. Буквально тут же я последовал его примеру, чтобы наш собеседник не заблуждался насчет того, что произошло.

- Боже мой, опять началось! – простонал я. – Что за невезение...
- Замолчи! – прорычал Вулф.

Я повиновался. Вулф оперся локтями на подлокотники кресла, сплел пальцы над самым выпуклым местом необъятного живота и уставился на уголок бювара. Собственно, сказать-то мне было нечего, кроме того, что наше дело – дрянь, а это было и так ясно.

Однажды Вулф приказал мне раз и навсегда выбросить из головы имя Арнольда Зека. Однако, как бы я ни называл данного субъекта: Зек, или Он, или хотя бы Икс, это не отменяло того факта, что месяцев десять тому назад по его распоряжению пара головорезов, вооруженных автоматом и пистолетом-пулеметом Томпсона, расположившись на крыше дома напротив, открыла огонь по нашей оранжерее. Они перебили стекла и оборудование на добрых десять тысяч долларов и превратили восемь тысяч драгоценных орхидей в сырье для компоста. Это тоже было своего рода предупреждением.

И вот теперь он хотел, чтобы мы расторгли контракт и не связывались с Барри Рэкхемом. Вероятно, это означало одно: не шевельнув и пальцем, мы нашли ответ на вопрос миссис Рэкхем, откуда у ее мужа карманные деньги. Очевидно, он принимал участие в операциях Арнольда Зека, которые Вулф как-то назвал незаконными, а некоторые – отвратительными. Ничего удивительного, что Зек не хотел, чтобы мы занялись одним из его людей. Все это стало ясно как божий день, но вот беда: мы опять нарвались на Зека, что по большому счету было не лучше, чем заполучить цилиндр со слезоточивым газом вместо доброй порции колбасок Дарста.

³ Отсылка к романам Рекса Стаута «И быть подлецом» и «Второе признание».

⁴ *Луис Рони* – персонаж романа «Второе признание».

– А ведь он точно все разыграл, черт его побери! – пожаловался я. – Прямо как по нотам. Кто-то наблюдал за домом и видел, что я взял пакет, а потом распахнул дверь и вышел подышать на крыльцо. Они поняли, что коробку вскрыли, сообщили Зеку, и он тут же позвонил. Черт возьми, он мог даже...

Я умолк, так как заметил, что разговариваю сам с собой. Вулф меня не слышал. Он сидел в прежней позе, впериw взгляд в уголок бювара. Я захлопнул пасть, сел поудобнее и запасся терпением. Прошло добрых пять минут, прежде чем он заговорил.

– Арчи... – произнес он, взглянув на меня.

– Да, сэp?

– Сколько у нас было дел начиная с прошлого июля?

– Любых дел? Считаю всякую мелочь? Э-э... сорок.

– Мне казалось – больше. Хорошо, скажем, сорок. В первый раз мы случайно перешли ему дорогу два года назад, а во второй – в прошлом году. Мы оба, он и я, занимаемся преступлениями. Причем его сети раскинуты настолько широко, что совершенно логично ожидать: один раз в год или в одном из сорока дел, за которые беремся, мы будем наткаться на него. И все начнется сначала. – Он ткнул пальцем в сторону телефонного аппарата. – Эта штукавина зазвонит, и этот гнусный голос станет диктовать мне условия. Если мы уступим, то сможем жить здесь и зарабатывать средства к существованию лишь с его благословения. Если же откажемся повиноваться, то обречены постоянно пребывать в состоянии тревожной бдительности и одного из нас или даже обоих, возможно, убьют. Твое мнение?

Я потряс головой:

– Вы все разложили по полочкам. Мне не нравится ни то ни другое.

– Мне тоже.

– Если вы погибнете, я потеряю работу. Если убьют меня, вам останется только уйти на покой. – Я посмотрел на циферблат наручных часов. – Самое неприятное, что у нас даже нет недели на размышление. Сейчас двадцать минут первого, а к трем часам я должен быть в Хиллсайд-Кеннелсе. И мне еще надо поесть, побриться и переодеться. В том случае, если я поеду, конечно. Я поеду?

– Увы, – вздохнул Вулф. – Здесь-то собака и зарыта. Два года назад, когда мы занимались делом Орчарда⁵, я взял ответственность на себя и проигнорировал угрозы этого человека. И в прошлом году, расследуя дело Кейна⁶, поступил так же. Но теперь я не хочу и не стану повторять прежние ошибки. Я отдаю себе отчет в том, что обычно выбираю нужную стратегию, но не стану требовать, чтобы ты, отрабатывая свое жалованье, отправился туда и познакомился с мистером Рэкхемом. Если хочешь, можешь позвонить и отложить поездку до лучших времен.

Я вылупилсЯ на него:

– Вот, значит, как? Черт побери, неужели вы решили взвалить всю ответственность на меня?!

– Да. Я его боюсь. Если должностные лица и другие уважаемые граждане подчиняются приказаниям этого человека, почему я должен стать исключением?

– Ну и притворщик же вы, – терпеливо сказал я. – Хватит вешать мне лапшу на уши! Вы прекрасно знаете, что я скорее слопаю кусок мыла, чем позволю этому сукину сыну наступить себе на хвост. И мне прекрасно известно, что вы скорее намажете хреном устрицы, чем уступите ему. Работай мы поодиночке – другое дело, но коль скоро мы повязаны оба, другого выхода нет.

Вулф испустил душераздирающий вздох:

– Что ж, надо понимать, ты едешь?

⁵ Отсылка к роману Рекса Стаута «И быть подлецом».

⁶ Отсылка к роману Рекса Стаута «Второе признание».

– Да. Но при одном условии: «тревожная бдительность» наступает немедленно. Вы призовете Фрица с Теодором и объясните им, что нам угрожает. Обе двери постоянно будут на засове. Вы обещаете держаться подальше от окон. И еще: ничто и никто не должны пересекать порог нашего дома без моего ведома.

– Боже всемогущий, – он мрачно покачал головой, – да это же тюремный режим!

– Сперва испробуйте, потом говорите. Кто знает, может быть, десять лет спустя вы будете испытывать наслаждение от такого образа жизни?

Я позвонил по внутреннему телефону в оранжерею, чтобы вызвать Теодора.

Вулф, набывшись, следил за мной.

Глава 3

Когда я повернул с Таконик-парквей на шоссе 100, часы на приборной панели показывали только 14:40, и я решил сделать маленький крюк. На пару миль, не больше. Поэтому в Пайнс-Бридже, сразу за мостом, я взял не влево, а вправо.

Я бы мало что выиграл, если бы направился напрямик к въезду в имение, помеченному здоровенным каменным столбом с высеченной на нем надписью: «ИСТКРЕСТ», поскольку оттуда увидел бы только подъездную аллею, которая змейкой извивалась вверх по косоугору и исчезала в лесу.

Вместо этого я, не доезжая примерно мили, свернул на ухабистый проселок, поднимающийся в гору. На вершине прямая дорога тянулась между лугами. Я съехал на траву, остановился, вынул бинокль и нацелил линзы на верхушку ближайшего холма, чуть возвышавшегося над окружающими, где над кронами деревьев виднелись крыша и стены каменного особняка.

Сейчас, в начале апреля, когда листья еще не распустились, особняк, дворы и хозяйственные постройки лежали передо мной как на ладони. Я даже разглядел две сновавшие человеческие фигурки. Так вот, значит, каков он, Исткрест, законные владения беззаконного Арнольда Зека.

Вы понимаете, конечно, что есть масса способов преступить закон. Можно, например, проскочить на красный свет. А можно нанять подручных, сорвать свой куш и ловко замести следы, не забывая, разумеется, щедро вознаграждать помощников, поскольку попытка купить подобные услуги задешево грозит закончиться крахом. Как раз такими махинациями наш Зек и занимался уже более двадцати лет.

И вот теперь моему взору открывался Исткрест. В мои планы входило только одно: глянуть на него одним глазком с вершины холма. Самого Зека я никогда прежде не видел. И насколько мне известно, Вулф – тоже. Но сейчас, когда наши пути в третий раз скрестились, и, возможно, надолго, я решил, что имею право хотя бы полюбоваться его крышей и пересчитать трубы. И только. Уж слишком этот Зек таинственный и неуловимый. И вот теперь я хотя бы узнал, что на его крыше четыре трубы и у одной из них, в южном крыле, отвалились два кирпича.

Я развернул машину, пустившись в обратный путь, и, вы не поверите, то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, проверяя, не сел ли кто мне на хвост. Вот насколько серьезно я относился к Зеку. Хотя, честно говоря, самолюбие мое от этого сильно страдало, так что всю дорогу я нервничал, бесился и в итоге порядком устал.

До Берчвейла, резиденции миссис Рэкхем, отсюда было рукой подать, миль пять вокруг городка Маунт-Киско. Однако я ухитрился перепутать развилку и поэтому прибыл на место лишь в четверть четвертого. Въезд во владения нашей аристократки выглядел вполне респектабельно, хотя и неброско.

Я преспокойно ехал, и вдруг, откуда ни возьмись, с левой стороны возникла аккуратная маленькая табличка:

ХИЛЛСАЙД-КЕННЕЛС
Доберманы-пинчеры

Протиснувшись в узкие воротца и прокатившись по узкой же аллее, я миновал дом, въехал на прямоугольную, посыпанную гравием площадку и поставил машину в углу возле какого-то деревянного строения.

Когда я вылезал, откуда-то раздался возглас и тотчас из-за куста выпрыгнула свирепая дикая зверюга и молнией метнулась ко мне. Я застыл на месте, а правая рука автоматически взлетела к левой подмышке, к кобуре.

– Назад! – Женский голос, отдавший команду, был резок, как удар хлыста.

Зверь, с которым меня разделяло не более десяти шагов, мигом развернулся и потрусил к женщине, появившейся на краю площадки. Затем опять развернулся и замер в изящной позе, не спуская с меня глаз, великолепный и смертельно опасный.

С удовольствием всадил бы в него пулю! Терпеть не могу злобных псов, которые заранее видят в вас врага и заставляют лезть из кожи вон, чтобы доказать свое алиби! Нет, порядочный пес должен быть по убеждениям демократом.

К женщине присоединился мужчина. Они приблизились ко мне.

– Мистер Гудвин? – спросила женщина. – Мистер Лидс был вынужден уехать по делам, но скоро вернется. Меня зовут Аннабел Фрей.

Она шагнула вперед с протянутой рукой, и мы поздоровались.

Я получил первую возможность проверить хоть что-то из сказанного миссис Рэхем и поставил ей пятерку за честность. Если помните, она сказала, что ее невестка – писаная красавица. Возможно, нашелся бы чудак, попытавшийся это оспорить. Скажем, тот, кому не по душе широко расставленные глаза или кому розовые щечки милее смуглой кожи. Что до меня, то я никогда не придираюсь к мелочам. Нужно шире смотреть на вещи.

Она представила мне своего спутника, которого звали Хэммонд, и мы пожали друг другу руки. Он был плотно сбитый, средних лет, в ярко-синей рубашке, рыжевато-коричневой куртке и серых слаксах – потрясающее сочетание! Иное дело я – в безукоризненном твидовом костюме от «Фради», ослепительно-белой рубашке и темно-бордовом галстуке.

– Пожалуй, дождусь Лидса в машине, – сообщил я. – Не стану рисковать, когда такой хищник рыщет на воле.

– Дюк вовсе не рыщет на воле – он гуляет со мной, – рассмеялась Аннабел. – Да он и не собирался нападать на вас. Остановился бы в трех шагах, на расстоянии прыжка, и подождал бы моей команды. Вы не любите собак?

– Смотря каких. Если вы имеете в виду четвероногого друга, для которого разделяющая нас дистанция лишь расстояние для прыжка, то по отношению к нему я пребываю в состоянии тревожной бдительности. Да-да, именно тревожной бдительности.

– Господи помилуй! – (Длинные пушистые ресницы взлетели над темно-синими глазами.) – Вы всегда так странно выражаетесь? – Она перевела взгляд на Хэммонда. – Ты слышал, Дана?

– Да, и полностью с ним согласен, – ответил тот, – что для тебя, впрочем, не тайна. Не боюсь в этом признаться. Возможно, хотя бы тогда ты поймешь, на какие жертвы я иду, лишь бы побыть с тобой. Когда ты открыла клетку и этот зверь выскочил наружу, я почувствовал, что волосы у меня на голове встали дыбом.

– Знаю, – презрительно фыркнула Аннабел Фрей. – И Дюк тоже знает. Пожалуй, пойду запру его.

С этими словами она повернулась и зашагала прочь, обронив что-то псу, который послушно засеменил следом. Вскоре они скрылись из виду, завернув за угол строения. Чем-то они были похожи – молодая женщина и пес. Возможно, движениями, упругими и грациозными, или походкой, быстрой и немного нервной.

– Теперь мы вздохнем свободнее, – поздравил я Хэммонда, проводив парочку взглядом.

– Ничего не могу с собой поделаться, – пожаловался Хэммонд, чуть раздраженно, как мне показалось. – Я и так не питаю симпатий к собакам, а эти твари... – Он передернул плечами. – Я бы охотнее водил дружбу с тиграми.

Вскоре Аннабел вновь присоединилась к нам, съязвив что-то по поводу прически Хэммонда. Я заметил, что могу преспокойно дожидаться Лидса и сам, если у них есть свои дела, но она не согласилась.

– Мы хотели на вас посмотреть, – ни с того ни с сего брякнула она. – Во всяком случае, я. А мистер Хэммонд просто пришел за компанию. Поверьте, хотя вы и Арчи Гудвин, я не стала бы сломя голову нестись на другую сторону улицы, чтобы поглазеть на вас. Однако, признаюсь, мне любопытно понаблюдать, как вы работаете. Сами знаете, как трудно создать репутацию. И мне интересно, насколько соответствует своей славе знаменитый сыщик. Откровенно говоря, я уже настроена скептически. Вы выглядите слишком молодо, одеваетесь слишком элегантно. К тому же, если вы и впрямь опасались, что пес вас укусит, вам следовало бы принять какие-то меры... Ой, откуда взялась эта штука? Что вы делаете?!

Порой мне случается выхватить пистолет не слишком-то ловко. Однако на сей раз он словно сам прыгнул мне в руку, выскочил как чертик из коробки. Я держал его дулом кверху. Хэммонд издал какой-то сдавленный звук и отпрянул.

– Пустяки, – ухмыльнулся я, – решил пустить пыль в глаза. Понравилось? Хотите попробовать еще разок? Науськайте его на меня из-за того же куста. Готов биться об заклад на любую сумму до двадцати пяти центов, что ему до меня не добраться. – Я засунул пушку в кобуру. – Вы готовы?

Она заморгала:

– Вы и в самом деле способны на такое?

Хэммонд вдруг хихикнул. Такой представительный, солидный, с виду банкир, и надо же – такой конфуз. Но что случилось, то случилось – он хихикнул.

– Не шути с ним, Аннабел, – посоветовал Хэммонд. – Он может.

– Конечно, – добавил я, – при этом вы окажетесь на одной линии, а мне не доводилось прежде стрелять по нападающим псам, так что мы оба с вами рискуем. Мне только не по нутру ваш скептицизм. Ну да ладно, сейчас проверим.

Ошибка! А все мой дурацкий характер. Я готов был лягнуть себя за эту промашку. Для человека моего возраста совершенно естественно наслаждаться общением с женщиной ее лет, девица она, жена или вдова. Тем не менее у меня должно было хватить здравого смысла, чтобы понять, во что я могу вляпаться.

Стоило ей только ввернуть, что она хотела понаблюдать за моей работой, как я уже разинул варежку и заглотнул наживку целиком, вместе с крючком. В итоге я битый час строил из себя умника и притворялся, что кровь из носу должен разобраться, кто отравил собаку Лидса, когда на самом деле мне было глубоко на это наплевать. Не подумайте, что я заступаюсь за отравителей собак, просто мне было не до них.

Вскоре появился Кэлвин Лидс, прикатил в выдавшем виды фургончике с кузовом, переоборудованным под большую проволочную клетку. И мы вчетвером отправились смотреть псарню и округу. Лидс вводил меня в курс дела, я задавал умные вопросы и делал пометки в блокноте.

Потом мы перекочевали в дом, где принялись обсуждать использованный яд, способ отравления, возможных подозреваемых и так далее. Я даже притомился. Мне ведь приходилось играть роль. И не только для того, чтобы ни одна живая душа не угадала истинную цель моего приезда. Аннабел была слишком хорошенькая, чтобы я стерпел ее скептический настрой. А самое смешное, что отравленный пес даже не издох. Он жил и здравствовал. Я же так пытался и старался, словно для нас с Ниро Вулфом это было самое крупное дело за весь год. В итоге Лидс просто так, за здорово живешь, заполучил детективной работы на добрых полсотни долларов. Никого мы, естественно, на чистую воду не вывели. Но вы бы только послушали, какие каверзные вопросы я задавал!

Когда Аннабел и Хэммонд оставили нас, чтобы вернуться в Берчвейл, я расспросил Кэлвина Лидса о Хэммонде, который, вообразите себе, и в самом деле оказался банкиром. Да еще каким – вице-президентом компании «Метрополитен траст», занимавшейся всеми финансовыми делами миссис Рэкхем после смерти ее первого мужа.

Когда я съехидничал, что, похоже, Хэммонд собирается заняться также, причем всерьез, и невесткой миссис Рэкхем, Лидс пробурчал, что ничего такого не заметил. Я спросил, кто еще ожидается за обедом.

– Вы и я, – ответил Лидс.

Он не спеша потягивал виски из высокого стакана. Мы сидели в небольшой гостиной его домика, где не было ничего примечательного, кроме бесчисленных фотографий собак на стенах. На улице Лидс передвигался с энергичной живостью, способной сделать честь многим людям вдвое моложе. Теперь же он расслабленно раскинулся на диване. Он напомнил мне одну из собак, которую мы видели во время экскурсии. Та псина нежилась на солнышке у дверцы своей клетки.

– Вы и я, – сказал Лидс, – а также моя кузина, ее муж, миссис Фрей, с которой вы уже познакомились, Хэммонд и еще один политический деятель, всего семеро...

– Что за политический деятель?

– Оливер А. Пирс.

– Я на короткой ноге с целой кучей политиканов, но о таком не слышал.

– Только не говорите ему об этом, – хмыкнул Лидс. – В свои тридцать четыре он добрался лишь до законодательного собрания, но потерял несколько лет из-за войны, как и многие другие молодые люди. Дайте ему шанс. Один, больше не надо.

– А кто он, друг семьи?

– Нет, и это очко в его пользу. – Лидс снова хмыкнул. – Когда он впервые появился здесь прошлым летом, то приехал как гость миссис Фрей. Во всяком случае, она его пригласила. Но очень скоро один из них, видно, поднадоел другому. Однако Пирс не терял времени зря: успел познакомиться с Линой Дэрроу и втюрился в нее по уши.

– Кто такая Лина Дэрроу?

– Секретарша моей кухни... Кстати, она тоже будет за ужином, так что выходит восемь. Не знаю, кто позвал его... Возможно, кузина... Но приехал он, такой занятой деятель, только ради Лины Дэрроу. – Лидс усмехнулся. – В свои годы мог бы быть поосмотрительнее.

– Вы невысокого мнения о женщинах, верно?

– Они мне безразличны. – Лидс прикончил виски. – А с кем бы вы на моем месте предпочли жить – с такими изумительными животными или с женщиной?

– С женщиной, – убежденно ответил я. – Правда, я еще не выбрал ее, ведь их так много. Но даже если она вдруг окажется сукой, то я искренне надеюсь, что не одной из ваших. Мне нужна такая, которую можно без опаски спускать с поводка. – Я махнул рукой. – Впрочем, оставим это. Вам больше по душе собаки, и на здоровье. А миссис Фрей тоже считается членом семьи?

– Да, – лаконично ответил он.

– Миссис Рэкхем держит ее при себе в память о погибшем сыне? Или это помогает от невроза?

– Не знаю. Спросите кузину сами. – Лидс выпрямился и встал на ноги. – Вы, конечно, знаете, что я возражал против ее визита к Ниро Вулфу. И поехал с ней только потому, что она настаивала. Не представляю, на что она надеется. Вред ее затея принесет наверняка, это как пить дать. По-моему, вам не стоило приезжать сюда. Однако коль скоро вы здесь, то мы с таким же успехом можем пойти к ним и пить их виски, а не мой. Пойду умоюсь.

И он вышел.

Глава 4

Лидс предоставил мне выбор: либо ехать с ним, что заняло бы три минуты, либо пройти по лесной тропинке. Я проголосовал за пешую прогулку. До опушки леса было рукой подать, около сотни ярдов от угла псарни.

Денек выдался довольно теплым для начала апреля, но стоило солнцу скрыться за вершиной холма, как воздух заметно посвежел, и я невольно ускорил шаг, что, впрочем, было вполне оправданным, так как едва поспевал за Лидсом. А Лидс неся закусив удила. Когда я выразил недоумение по поводу того, что ни в лесу, ни на открытом месте нам не попала ни одна изгородь, он пояснил, что его земля всего лишь уголок поместья миссис Рэкхем, который она отвела ему под застройку уже довольно давно.

Заключительную часть пути мы проделали по извилистой гравийной дорожке, которая змеилась между лужайками, кустами, деревьями и клочками голой земли. Честно говоря, сельская жизнь стала бы куда краше, если бы удалось отменить закон, запрещающий прокладывать между примыкающими владениями прямые дорожки. А то получается, что чем крупнее и богаче имение, тем более извилисты тропы между угодьями и тем труднее соседям навещать друг друга.

Как бы то ни было, в конце концов мы с Лидсом, успешно преодолев замысловатый лабиринт, достигли имения миссис Рэкхем и вошли без звонка или стука, из чего я заключил, что Лидс считался здесь своим.

Все шестеро присутствующих собрались в комнате, бывшей длиннее и шире дома Лидса. Она была устлана двадцатью коврами, так и норовившими выскользнуть у меня из-под ног, и заставлена примерно сорока предметами, пригодными для сидения. Несмотря на ломящийся от напитков передвижной бар, мне показалось, что должное веселье еще не воцарилось, потому что встретили нас с Лидсом так, словно более замечательного события не случилось целую вечность. Лидс представил меня гостям и хозяйке, поскольку считалось, что я не знаком с миссис Рэкхем, а затем, когда мне подали напиток, Аннабел Фрей прочитала лекцию о том, как я работаю. Оливер А. Пирс, государственный муж, тут же загорелся и потребовал, чтобы я продемонстрировал свое искусство, учинив каждому из них допрос с пристрастием как подозреваемому в отравлении собаки. Я отбрыкивался, но они настаивали, и мне пришлось уступить. Увы, на сей раз я выступил без привычного блеска.

Пирс оказался ловким малым. Его поведение подчинялось закону природы, который определяет особую, неповторимую манеру общения народного избранника со всеми, кто уже достиг возраста избирателя. Правда, природное чутье и отменная реакция позволяли ему легко маскировать этот недостаток, хотя он был примерно одних лет со мной. Впрочем, фигурой он мне тоже не уступал, высокий, широкоплечий, с располагающим, честным лицом и улыбкой, которая зажигалась в долю секунды, как лампа-вспышка. Я завязал узелок на память, чтобы проверить, не в его ли избирательном округе живу. Карьера ему, конечно, обеспечена, вопрос лишь в том, как высоко и как скоро он взлетит.

Если вдобавок к собственным талантам и достоинствам Пирс сумеет заполучить в свою упряжку еще и Лину Дэрроу, то взлетит он очень высоко и очень скоро. На первый взгляд она была моложе Аннабел Фрей, лет двадцати шести, и я никогда не видел более прелестных глаз. Она их явно недооценивала или излишне скромничала. Когда я допрашивал ее, она прикинулась, что я припер ее к стенке, но глаза выдали, что она в два счета могла оставить меня в дураках. Не знаю, водила она меня за нос, практиковалась или же просто пыталась сойти за простушку.

Барри Рэкхем не только озадачил меня, но еще и ухитрился посеять в моей душе смуту. Не знаю, то ли я глупее, чем считает Ниро Вулф, и дважды глупее, чем считаю я сам, то ли

мистер Рэкхем был умнее, чем выглядел. В Нью-Йорке таких, как он, пруд пруди, а из него нью-йоркское так и лезло. Зайдите в любой бар на Мэдисон-авеню от пяти до половины седьмого вечера – и увидите там шестерых, а то и восьмерых Барри Рэкхемов: не юнцов, конечно, но и отнюдь не убежденных сединами; мужественной наружности, если не считать длинных отполированных ногтей, утомленных или, напротив, свежих и рвущихся в бой, в зависимости от состояния; и все с немного отечными глазами. Я знал его как облупленного, во всяком случае так думал, однако никак не мог решить, известна ли ему подлинная причина моего приезда. Впрочем, как раз это я и собирался выяснить. Если известна, то считайте, что ответ на вопрос, состоит ли он на жалованье у Зека, уже получен; если же нет, то вопрос оставался открытым.

Однако к тому времени, когда, покончив с десертом, мы встали из-за стола, чтобы перейти в гостиную пить кофе, я так и не справился с этой головоломкой. Сперва я подумал, что он просто не может быть таким умным, что он везучий недотепа, который по счастливому стечению обстоятельств попался на глаза миссис Рэкхем и сумел подобрать к ней ключик, но при дальнейшем наблюдении я пересмотрел эту точку зрения. С женой он держался вполне достойно, без малейших признаков заискивания и раболепства. А за обедом затеял спор с Пирсом по поводу налогообложения доходов с недвижимости и без малейших усилий загнал сего достойного политика в угол и посадил в лужу. Потом весело посмеялся, встал на позицию поверженного противника и торжествовал новую победу, выставив на посмешище Дану Хэммонда.

Я решил, что правильнее будет начать все сызнова.

По дороге в гостиную ко мне пришвартовалась Лина Дэрроу.

– Почему вы так на меня напустились?! – без обиняков выпалила она, и я сказал, что ничего подобного.

– Нет-нет, еще как напустились! Вы очень старались доказать, что собаку отравила я. С другими вы держали себя более пристойно. – При этих словах она легонько коснулась пальцами тыльной стороны моей руки.

– Еще бы! – признался я. – Но ведь для вас подобное не в новинку? Когда мужчины держат себя с вами менее пристойно, чем с другими?

– Благодарю вас. Но я вполне серьезно. Вы же знаете, я скромная работающая девушка.

– О да. Потому я и решил на вас отыграться. Еще, впрочем, потому, что вы явно строили из себя простушку.

Мы вошли в гостиную, и тут же к нам подлетел законодатель Пирс, который умыкнул Лину Дэрроу. Моим первым побуждением было вызвать его на дуэль, но потом я решил не связываться. Мы все сгрудились у камина, попивали кофе и толкли воду в ступе, пока кто-то не предложил включить телевизор, что Барри Рэкхем и сделал. Потом они с Аннабел выключили свет. Когда все удобно устроились вокруг экрана, миссис Рэкхем куда-то вышла. Немного позже, когда я, сидя в полумраке, уныло пялился на рекламу какой-то косметики, неясное чувство поведало мне о приближающейся опасности, и я резко обернулся. И точно: у самого моего локтя восседал здоровенный (в темноте у страха глаза велики) доberman-пинчер и тарашился на экран.

Сидевшая чуть позади чудовища миссис Рэкхем, по-видимому, неверно истолковала мой жест и, пытаясь перекричать голос диктора, поспешно воскликнула:

– Не надо его гладить!

– Не буду, – заверил я с выражением.

– Не беспокойтесь, он умеет себя вести, – добавила она. – Он обожает смотреть телевизор.

Она продвинулась вперед, увлекая за собой четвероногого любителя телевизионных передач. Когда они миновали Кэлвина Лидса, преданное создание приостановилось, чтобы обнюхать его, и удостоилось поглаживания по голове. Никто другой проявить подобную фамильярность не рискнул.

Так мы сидели и бессмысленно главели на экран добрых девяносто минут, до половины одиннадцатого. Я так и не сумел составить определенного мнения о Барри Рэкхеме. К сожалению, телевидение подрубают сыскной бизнес на корню. Раньше, оказавшись в подобном обществе в чьем-нибудь доме или на квартире, вы получали превосходную возможность раздобыть ценные сведения, толкаясь среди гостей, наблюдая, разговаривая и держа ушки на макушке. Теперь же, когда включают телевизор, вы можете с таким же успехом остаться дома в постели. Лиц в темноте не разглядеть; брошенных кем-то реплик не расслышать, если это не истошный визг; и даже глубоко личные обстоятельства, например изменилось ли скептическое отношение к вам молоденькой вдовушки, уточнить не удастся. В кинотеатре можно, по крайней мере, держаться за руки.

Тем не менее в конце концов рыбка вроде бы клюнула. Когда наконец выключили телевизор и мы поднялись размять затекшие конечности, Аннабел предложила подбросить нас с Лидсом до его дома. Лидс сказал, что мы лучше пройдемся пешком. И тогда Барри Рэкхем, который словно ненароком приблизился ко мне, осведомился, не слишком ли утомила меня телепередача. Я ответил, что нет, могло быть и хуже.

– Думаете, вам удастся изобличить отравителя? – поинтересовался он, потряхивая стаканом, так что льдинки тихонько звякали.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Как-никак прошел целый месяц.

– Вот именно потому так трудно в это поверить, – кивнул он.

– Да? Во что же?

– Что он ждал целый месяц, а потом вдруг решил раскошелиться на Ниро Вулфа. О гонорах Вулфа все наслышаны. Лидсу он не по карману. – Рэкхем растянул губы в улыбке. – Возвращаетесь в город сегодня?

– Нет, остаюсь переночевать здесь.

– Разумно. Ночью ехать небезопасно. А в воскресенье в это время года движение здесь не слишком оживленное, если вы, конечно, выедете рано. – Он ткнул меня в грудь указательным пальцем. – Вот-вот, если выедете рано. – И отчалил.

Аннабел зевала, а Дана Хэммонд смотрел на нее во все глаза, словно приехал в Берчвейл только для того, чтобы наслаждаться ее зевками. Лина Дэрроу поглядывала то на меня, то на Барри Рэкхему, делая вид, будто на самом деле ее лучезарные взгляды предназначены вовсе не мне. Доберман-пинчер стоял настороже, а Пирс футак в десяти от него – на целый фут больше длины прыжка, – почитая себя в безопасности, разглядывал пса с таким выражением на лице, что я невольно ему посочувствовал, хотя прежде особого сочувствия к политическим деятелям не питал.

Кэлвин Лидс и миссис Рэкхем тоже рассматривали пса, но выражения их лиц были совсем другие.

– Как минимум на два фунта тяжелее, чем надо, – проронил Лидс. – Ты перекармливаешь его. – (Миссис Рэкхем запротестовала, что вовсе нет.) – Значит, мало выгуливаешь.

– Да, – вздохнула она. – Ничего, теперь я буду здесь почаще и займусь им как следует. Сегодня я была занята. Пожалуй, я выведу его сейчас. Замечательная ночь для прогулки... Барри, ты не составишь мне компанию?

Тот отказался. Очень мило, впрочем. Миссис Рэкхем обратилась с тем же предложением к остальным, но желающих не нашлось. Тогда она предложила проводить нас с Лидсом до дому. Лидс возразил, что она ходит слишком медленно, а ему уже давно пора быть в постели, поскольку он встает в шесть. И двинулся к выходу, велел мне следовать за ним, если я и вправду иду.

Мы пожелали всем доброй ночи и откланялись.

Ночь стояла довольно холодная. По небу рассыпалось несколько звезд, но луны не было, так что в одиночку, да еще без фонаря, я наверняка сбился бы с лесной дорожки и блуждал бы

до утра. Лидсу же фонарик был бы только помехой. Он уверенно вышагивал с той же скоростью, что и днем, а я, чертыхаясь, поспешал за ним, то и дело спотыкаясь о корни и поскальзываясь на камешках, а однажды даже потерял равновесие и плюхнулся наземь. Представляете, какой охотник на оленей получился бы из меня? Когда мы приблизились к псарне, Лидс подал голос, и до моих ушей донесся шорох множества лап, но никто из этих тварей даже не тявкнул. Ну скажите сами, кому нужна собака, не говоря уже о тридцати и сорока, у которой не хватает сердечности даже для того, чтобы залиться лаем, радуясь возвращению хозяина?

Лидс сказал, что после покушения на собаку он теперь всегда обходит свои владения, прежде чем отправиться на боковую. Я вошел в дом и поднялся в крохотную комнатку, где оставил свою сумку. Когда Лидс вернулся, поднялся наверх и зашел спросить, все ли у меня в порядке, я сидел на кровати в пижаме, почесывая шею и ломая голову над прощальными репликами Барри Рэкхема. Я рассеянно ответил, что все замечательно, Лидс пожелал мне спокойной ночи и ушел в свою комнату, расположенную напротив моей через маленький коридор.

Я открыл окно, выключил свет и забрался в постель, однако три минуты спустя понял: не тут-то было. Обычно я гоню прочь любые мысли в тот миг, когда приклоняю голову к подушке. Если какая-то дума все же застревает в лабиринте моих извилин, я даю себе три минуты, и ни секундой больше, чтобы изгнать ее оттуда. Потом я отключаюсь. Но сегодня, ясное дело, в моем мозгу угнезвился Барри Рэкхем. Я должен был со всей определенностью решить, знает ли он истинную причину моего появления. Или же принять твердое решение, что по временному с этим до утра. Размышляя так, я вылез из постели и уселся на стул.

Прошло минут пять, а может, и пятнадцать, не знаю. Единственное, чего я добился, так это того, что сумел выкинуть Барри Рэкхема из головы, убедив себя, что утро вечера мудренее. Парень оказался слишком крепким орешком. Приняв наконец решение, я с удовольствием нырнул в постель, потратил десять секунд на то, чтобы удобно расположиться на непривычном матрасе, и на сей раз, кажется, преуспел...

Или почти преуспел. Стоило мне чуть-чуть задремать, как за скрипел ставень или нечто в этом роде. Но в первый миг я подумал, что скрипит ставень, и вдруг весь сон как рукой сняло: никаких ставней на окнах не было! Я уже достаточно проснулся, чтобы это утверждать. Звук повторялся с небольшим интервалом и к тому же не походил на скрип ставня, да и вообще на скрип. Скорее, на всхлипывание или хныканье младенца; нет – чепуха! – звук раздавался за распахнутым окном, а младенцев снаружи не было. Ладно, ну его к черту! Я перевернулся на другой бок, спиной к окну, но звук повторился снова. Я был не прав. Не хныканье, а слабое поскуливание. Наваждение какое-то!

Я кубарем скатился с кровати, зажег свет, пересек коридор, подошел к двери Лидса, постучался и вошел.

– Что такое? – громко спросил Лидс.

– У вас есть пес, который скулит по ночам?

– Скулит? Нет.

– Тогда, если не возражаете, я выйду и посмотрю. Он скулит под моим окном.

– Может быть, это... Включите свет, пожалуйста.

Я нашарил на стене выключатель и щелкнул им. Лидс сидел на кровати в зеленой пижаме в тонкую белую полоску. Одарив меня взглядом, красноречиво говорившим, что к списку причин, по которым Лидс был против моего пребывания здесь, прибавилась еще одна, он прошлепал мимо меня в мою комнату, я шел за ним по пятам. Несколько секунд он стоял прислушиваясь, потом подошел к окну, высунул голову наружу, затем втянул ее назад и, ни слова не говоря, быстро вышел, даже не взглянув на меня. Я спустился по лестнице следом за ним к боковой двери. Там он одной рукой повернул выключатель, а другой открыл дверь и вышел на крыльцо.

– Боже мой! – выдал он. – Ничего, Нобби, все будет в порядке.

Он присел на корточки.

Я не собираюсь брать назад свои слова о доберманах-пинчерах, но в тот миг не стал бы развивать эту тему. Пес лежал на боку на каменной плите, лапы его подергивались, но он попытался приподнять голову, чтобы посмотреть на Лидса; между ребрами, ближе к животу, почти вертикально торчала резная серебряная рукоятка ножа. Шерсть вокруг слиплась от крови.

Пес перестал скулить. Внезапно он ощерился и еле слышно зарычал.

– Все в порядке, Нобби, – сказал Лидс и приложил ладонь к телу собаки, в области сердца. – Боюсь, ему уже не помочь.

– Может, вытащить лезвие? – предложил я. – Тогда...

– Нет, это его добьет. Хотя он и так на последнем издыхании.

Лидс был прав. Пес издох, пока Лидс сидел рядом на корточках, а я стоял, стараясь не дрожать на пронизывающем ветру. Вдруг стройные мускулистые лапы напряглись, дернулись и тут же расслабились, а несколько мгновений спустя Лидс убрал руку и встал на ноги.

– Вы не могли бы придержать дверь? – попросил он. – Она немного перекосилась и сама не держится.

Я распахнул дверь и придержал ее. Лидс с бездыханным Нобби на руках вошел в прихожую и опустил тело на деревянную лавку у стены, потом повернулся ко мне:

– Я хочу одеться и выйти осмотреть округу. Можете пойти со мной или оставайтесь дома, как вам удобнее.

– Я пойду с вами. Это одна из ваших собак или?..

Он уже шагнул к лестнице, но остановился:

– Нет. Это пес Сары... моей кухни. Вы его видели сегодня вечером. – Лицо Лидса искажилось. – Боже всемогущий, только посмотрите на него! Приполз сюда с ножом в боку! Я подарил его Саре два года назад. Два года он служил ей верой и правдой, но приполз умирать ко мне. Ну и дела!

Он зашагал наверх по ступенькам, а я последовал за ним.

За годы работы у Ниро Вулфа мне нередко доводилось быстро одеваться, и я считал себя настоящим докой в этом деле, но, когда Лидс вышел из своей комнаты, я еще сидел и завязывал последний шнурок.

– Подождите внизу, – сказал Лидс. – Я вернусь через минуту.

Я ответил, что уже иду, но он не стал ждать. К тому времени, как я спустился, его и след простыл, входная дверь была закрыта. Я отворил ее, вышел на крыльцо и крикнул:

– Эй, Лидс!

– Я же сказал – подождите! – донесся из темноты его голос.

Даже если он решил не брать меня с собой, в такой крошечной тьме мне было за ним не угнаться, так что я посчитал самым разумным обогнуть дом и попытаться разыскать площадку, где стояла моя машина. Найдя ее и открыв дверцу, я забрался внутрь и извлек из бардачка фонарик. Я надеялся, что он хоть чуть-чуть уравнивает меня с Лидсом в ночных странствиях по окрестностям. Я запер машину, посветил вокруг, потом выключил фонарик и вернулся к входной двери.

Послышались шаги, сперва вдалеке, потом ближе, и вскоре Лидс возник в квадрате света, падающего из проема окна прихожей. Он был не один. Впереди, натягивая поводок, бежала собака. Когда они поравнялись со мной, я учтиво отступил в сторону, но пес не обратил на меня ровным счетом никакого внимания. Лидс открыл дверь, впустил собаку и вошел следом; я замыкал шествие.

– Встаньте перед ней, – приказал Лидс, – примерно в ярде, и не шевелитесь. – (Я повиновался.) – Знакомься, Геба!

Тут только зверюга признала, что заметила мое присутствие. Она задрала морду, приблизилась и не спеша обнюхала мои ноги. Когда она покончила со мной, Лидс шагнул к лавке, на которой лежал труп Нобби, и жестом подозвал собаку.

– Нюхай, Геба! – велел он, легонько погладив шерсть на животе мертвого пса.

Она вытянула жилистую шею, принюхалась, отступила и посмотрела на хозяина.

– Не будь такой самоуверенной! – Лидс ткнул пальцем в направлении тела. – Нюхай еще!

Собака послушалась, обнюхала труп Нобби еще раз и снова посмотрела на Лидса.

– Я и не знал, что они ищейки, – заметил я.

– Они обучены всему, чему можно.

Видимо, Лидс подал какой-то сигнал, хотя я ничего не заметил, так как собака вдруг устремилась к двери, увлекая за собой хозяина.

– У них всех превосходное чутье, а у Гебы оно просто потрясающее. Кстати, она мать Нобби. – Снаружи, на каменной плите, на которой мы обнаружили Нобби, Лидс сказал: – Бери след, Геба. – И после того как она, издав низкий горловой звук, натянула поводок, добавил: – Тихо. Говорить буду я.

Собака увлекла нас за угол дома, через стоянку для машин, вдоль стены хозяйственной постройки к самому концу псарни. И вдруг остановилась и задрала голову.

Лидс выждал полминуты, потом заговорил:

– В чем дело? Запуталась? Бери след!

Я включил фонарик, но после сердитого замечания Лидса выключил его. Геба опять издала тот же странный горловой звук, пригнула нос к земле и устремилась вперед. Мы пересекли луг по тропинке, добрались до опушки и углубились в лес. Хотя шли мы достаточно быстро, для меня это казалось легкой прогулкой по сравнению с гонкой, которую задал мне Лидс давеча. Несмотря на то что деревья еще стояли голые, в лесу было темно, хоть глаз выколи, но если я еще не полностью утратил способность ориентироваться, то мы продвигались вдоль той самой дорожки, по которой я проходил уже дважды.

– Мы ведь направляемся к дому вашей кухни? – поинтересовался я.

В ответ Лидс что-то невнятно буркнул.

Углубившись в лес, мы прошли ярдов двести вверх по косогору, потом примерно столько же тропинка тянулась ровно, а затем, как я припоминал, начинался долгий пологий спуск прямо до ухоженных угодий Берчвейла. И вот примерно посередине ровного участка Геба вдруг сошла с ума. Она внезапно резко рванулась в сторону, так дернув Лидса, что он заплясал, пытаясь удержаться на ногах, потом круто развернулась, прижалась к его ногам и стала тоненько и протяжно подвывать – совсем не так, как прежде.

Лидс резко сказал ей что-то, но я не разобрал его слов. К тому времени мои глаза уже достаточно свыклись с окружающим мраком. Но я вовсе не утверждаю, что уже тогда, в темноте, среди деревьев, с расстояния двадцати футов распознал то пятно на земле. Тем не менее я настаиваю: я сразу понял, что там лежит тело миссис Барри Рэхем, хотя и не успел направить на него свет включенного фонарика.

В этот раз Лидс не стал меня отчитывать. Мы сошли с тропинки и преодолели двадцать футов. Миссис Рэхем, точь-в-точь как Нобби, лежала на боку, но шея была неестественно вывернута, так что лицо было обращено к небу. На мгновение я даже подумал, что ей свернули голову, но потом разглядел обгаренный кровью белый свитер. Я наклонился и прижал пальцы к ее запястью. Лидс, подобрав сухой лист, опустил его на рот и ноздри женщины и попросил меня стать рядом с ним на колени, чтобы заслонить листок от ветра.

Посмотрев на неподвижный лист секунд двадцать, Лидс сказал:

– Она мертва.

– Да. – Я встал на ноги. – Даже если и нет, она все равно не дотянула бы до дома. Я пойду...

– Ее убили, да?

– Безусловно. Я пойду и...

– Господи! – Он резко вскочил и выпрямился. – Сначала Нобби, потом она... Оставайтесь здесь...

Он быстро шагнул вперед, но я успел схватить его за руку. Он вырвался.

– Успокойтесь! – велел я, снова схватил его за руку и почувствовал, как он дрожит. – Если вы сейчас ворветесь туда, одному Богу известно, что вы можете натворить. Побудьте здесь, а я пойду... – (Он опять вырвался и быстро зашагал прочь.) – Подождите! – крикнул я, и он замер как вкопанный. – Сперва вызовите врача и позвоните в полицию. Сразу же. Я вернусь в ваш дом. Мы оставили нож в теле собаки, а кое-кому этот нож может понадобиться. Вы можете приказать Гебе охранять миссис Рэкхем?

Лидс заговорил, обращаясь не ко мне, а к собаке. Та в два прыжка оказалась рядом. Лидс наклонился, прикоснулся к трупку кузины и сказал:

– Сторожи ее, Геба.

Собака послушно уселась, а Лидс, ни слова не говоря, повернулся и сгинул. Не прыгнул, не побежал, а просто растворился в темноте. Я крикнул вдогонку:

– Позвоните в полицию до того, как убьете кого-нибудь!

Потом разыскал тропинку и направился назад, в Хиллсайд-Кеннелс.

Благодаря фонарику я добрался без приключений, но при моем приближении собаки подняли истошный лай. Искренне надеясь, что все двери на запоре, я все же достал пистолет и держал его наготове, пока не миновал псарню. Слава богу, никто на меня не набросился, а оглушительный лай, словно по волшебству, прекратился в тот миг, как я переступил порог дома и закрыл за собой дверь. Видимо, когда враг проникал в дом, доберманы-пинчеры отдавали его на растерзание хозяину.

Нобби лежал на лавке, и нож по-прежнему торчал из раны в боку. Я сразу направился в маленькую гостиную, где заметил телефонный аппарат, включил свет, подошел к столику, вызвал телефонистку и сказал ей нужный номер. Пока дожидался, я глянул на наручные часы: 00:05. Я надеялся, что Вулф не забыл подключить внутренний телефон, прежде чем улечься спать. К счастью, он не забыл. На пятый звонок трубку сняли, и послышался недовольный голос:

– Ниро Вулф у телефона.

– Это Арчи. Извините, что разбудил, но мне требуются указания. Мы лишились клиента. Я имею в виду миссис Рэкхем. Похоже, кто-то заколол ее, а потом всадил тот же нож в ее пса. Как бы то ни было, она мертва. Я только что...

– Что ты плетешь?! – раздался громовой рык. – Что за околесица?!

– Все нет, сэр. Я только что вернулся из леса, с того самого места, где она лежит. Мы нашли ее вместе с Лидсом. Пес тоже издох, его труп здесь рядышком, на лавке. Я не хочу...

– Арчи!

– Да, сэр?

– Это недопустимо. В данных обстоятельствах.

– Да, сэр, полностью с вами согласен.

– Мистер Рэкхем не замешан в этом деле?

– Пока не знаю. Я же сказал: мы только что нашли ее.

– Где ты?

– В доме мистера Лидса, один. Стерегу нож в теле пса. Лидс отправился в Берчвейл, чтобы вызвать врача и полицию, а может, заодно и прикончить кого-нибудь. Помешать ему я не в состоянии. У меня уйма времени. Что вам рассказать?

– Все, что может нам пригодиться.

– Ладно, но на случай, если мне помешают, хочу сперва спросить. Раз я работаю на вас, а кроме того, помог найти тело миссис Рэкхем, полицейские, конечно же, проявят нездоровое

любопытство. Что я могу им сообщить? Не бойтесь, линия свободна, если телефонистка не подслушивает.

Хрюканье, потом молчание, и наконец:

– Теперь, после случившегося, можешь рассказать про нашу встречу с миссис Рэкхем и про цель твоей поездки. А также выложить всю подноготную миссис Рэкхем, мистера Лидса и все, что ты там видел и слышал, без исключения. Но конечно, тебе следует ограничиться только этим.

– Ни слова про колбаски?

– Ни звука. Дурацкий вопрос.

– Угу, я просто так, поразмяться. Ладно. Итак, я приехал и перезнакомился с массой доберманов-пинчеров и людей. Дом Лидса расположен на краю владений миссис Рэкхем. Мы с Лидсом прогулялись в Берчвейл через лес. За ужином было восемь человек, считая меня...

Я довольно неплохо гоняю бильярдные шары, и только один Сол Пензер превосходит меня в умении вести слежку в Нью-Йорке, но зато в мастерстве скрупулезно и доходчиво изложить любые, самые запутанные факты Ниро Вулфу я дам сто очков вперед любому. Рассчитав, что на подробное изложение мне потребуется минут десять, я управился за восемь – две минуты оставил ему на расспросы. Чем он, естественно, не преминул воспользоваться. Пожалуй, он уже прилично владел материалом, когда я, заметив в окно огни фар приближающейся машины, пожелал доброй ночи и повесил трубку. Выйдя в тесную прихожую, я отпер дверь и, когда по узкой подъездной аллее подкатила и остановилась машина с надписью «Полиция штата» на борту, уже стоял снаружи на каменном крыльце. Двое полицейских в форме вылезли из машины и двинулись ко мне. Я затаил дыхание, надеясь, что среди них не окажется моего обожаемого уэстчестерского врага, лейтенанта Кона Нунана⁷, и, по счастью, мои надежды оправдались. Оба были низшими чинами.

Один из них открыл рот:

– Ваша фамилия Гудвин?

Я признал это. Собаки загавкали.

– Обнаружив тело, вы решили вернуться сюда только для того, чтобы размять ноги?

– Тело обнаружил не я, а доберман-пинчер. А что касается вопроса о ногах – может, вы все-таки зайдете внутрь? – Я распахнул и услужливо придержал дверь, и они вошли; я ткнул большим пальцем в сторону трупа Нобби. – Это другой доберман. Он приполз сюда, чтобы умереть вон там, на пороге. А мне пришлось в голову, что миссис Рэкхем могли прикончить тем же самым ножом, что и пса, и вам, ребята, захочется взглянуть на этот ножик, прежде чем кто-то попытается нарезать им хлеб. Поэтому Лидс пошел к Рэкхемам звонить, а я вернулся сюда.

Один из них подошел к лавке и начал разглядывать Нобби.

– Вы не трогали нож? – спросил он.

– Нет.

– Лидс был здесь с вами?

– Да.

– Он прикасался к ножу?

– Не думаю. Если да, то я не обратил внимания.

Полицейский повернулся к напарнику:

– Оставим пока труп на месте. Посторожишь здесь, ладно?

– Да.

– Потом тебе скажут, что делать дальше. Идемте со мной, Гудвин.

Он протопал к двери, открыл ее и пропустил меня вперед. Подойдя к машине, он залез, устроился за рулем и позвал меня:

⁷ Этот персонаж впервые появляется в романе Рекса Стаута «Второе признание».

– Залезайте.

Я не шелохнулся.

– А куда мы едем? – поинтересовался я, не сдвинувшись с места.

– Куда надо.

– Извините, – с видимым сожалением произнес я, – но я должен знать, куда именно. Если в Уайт-Плейнс или в участок, то вручите мне приглашение, составленное по особой форме. В противном случае вам придется тащить меня силой.

– Так вы адвокат?

– Нет, но я знаю одного адвоката.

– Очень рад за вас. – Он наклонился в мою сторону и прогнусавил: – Мистер Гудвин, я еду в Берчвейл, имение миссис Рэкхем. Не окажете ли любезность составить мне компанию?

– С превеликим удовольствием, премного благодарен, – задушевно проворковал я и залез в машину.

Глава 5

Остаток ночи, от половины первого до самого рассвета, я провел настолько бездарно, что уж лучше бы оставался дома в постели. Я сумел выяснить лишь то, что девятого апреля солнце встает в 5:39, хотя и в этом не готов присягнуть, поскольку не уверен, что наблюдал настоящий горизонт.

Лейтенант Кон Нунан нагрязнул в Берчвейл среди прочих, но явно ощущал себя не в своей тарелке.

Дело в том, что даже после прибытия самого окружного прокурора Кливленда Арчера сказать, будто расследование шло полным ходом, я бы не решился. Не то чтобы блюстители порядка позабыли о служении Фемиде, вовсе нет. Просто очень трудно возложить жертву на алтарь правосудия, когда убивают такую известную и богатую налогоплательщицу, как миссис Барри Рэкхем, а ваш краткий список подозреваемых включает: а) ее мужа, теперь вдовца, который только что сделался известным и богатым налогоплательщиком; б) многообещающего молодого политического деятеля, избранного в законодательное собрание штата; в) невестку убитой, которая, возможно, станет еще более известной и богатой налогоплательщицей, чем вдовец, и г) вице-президента одного из крупнейших нью-йоркских банков. Каждый из них потенциально мог оказаться преступником, чего полиции любой ценой хотелось бы избежать, чтобы целиком сосредоточиться на остальных трех подозреваемых: д) кузене убитой, который занимался разведением крайне недружелюбных собак; е) секретарше убитой, простой служащей, и ж) частном сыщике из Нью-Йорка, который уже давно напрашивался на хорошую нахлобучку. Ясно, что при таком раскладе нельзя просто увезти подозреваемых всем скопом в Уайт-Плейнс и начать обрабатывать по-свойски.

Кроме пятнадцати минут, проведенных наедине с Коном Нунаном, я битых два часа проторчал в огромной гостиной, где мы тупо смотрели телевизор вместе с членами семьи, гостями, пятью слугами и двумя или более представителями закона. Нельзя сказать, что было очень весело. Две служанки не переставая плакали. Барри Рэкхем бесцельно слонялся по комнате, иногда присаживался, потом вскакивал и не раскрывал рта. Оливер Пирс устроился на диване рядом с Линой Дэрроу, и они о чем-то переговаривались вполголоса, причем Лина в основном слушала. Дана Хэммонд, банкир, явно нервничал. Он сидел ссутулившись, закрыв глаза и повесив голову, но время от времени с большим трудом вставал, словно у него что-то болело, и подходил к одному из окружающих, обычно к Аннабел или к Лидсу.

Когда меня запустили в гостиную, Лидс разводил огонь в камине, который с тех пор оставался его главной заботой. Огонь был такой жаркий, что Аннабел передвинулась в дальний угол гостиной. Она держалась спокойнее всех, хотя стиснутые зубы выдавали, что случившееся потрясло ее не меньше, чем остальных.

То одного, то другого поочередно вызывали и после беседы с глазу на глаз приводили обратно. Лишь когда подошел мой черед, я обнаружил, что нелегкая принесла лейтенанта Нунана. Он расположился за столом в комнате несколько меньших размеров дальше по коридору и вид имел взъерошенный. Несомненно, жизнь не казалась ему пряником – с его-то повадками Гитлера или Сталина в стране, где граждане сами решают, за кого им голосовать. Приведший меня детектив указал на стул по другую сторону стола.

– Опять ты, – прошипел Нунан.

– Сам подумал точно так же, – кивнул я. – Не имел чести лицезреть вас с тех самых пор, как не я задавил насмерть Луиса Рони.

Его не перекосило, хотя я особенно на это и не рассчитывал.

– Ты тут, кажется, расследуешь дело об отравлении собаки в Хиллсайд-Кеннелсе? – (Я воздержался от комментариев.) – Да или нет? – рявкнул он. – Или ты не намерен отвечать на вопросы?

– Ох, простите великодушно. Я и не знал, что это вопрос. Мне показалось, вы просто констатировали факт.

– Ты расследуешь дело об отравлении пса?

– Да, только приступил. Примерно час провел у Лидса, а потом мы отправились сюда на обед.

– Так и он сказал. Ну и что ты успел выяснить?

– Да ничего особенного. К тому же там толклись зеваки, что мало способствовало следствию. Я имею в виду миссис Фрей и мистера Хэммонда.

– Вы прибыли сюда все вместе?

– Нет. Мы вышли из дому через час после отъезда миссис Фрей и мистера Хэммонда.

– Вы ехали на машине?

– Шли пешком. Точнее, Лидс шел, а я бежал.

– Бежал? Почему?

– Чтобы не отставать.

Нунан улыбнулся. Более зловещую улыбку я видел разве что у Бориса Карлоффа.

– Где ты выучился зубоскалить, Гудвин? В цирке?

– Да, сэр.

– Тогда поведай нам про обед и все, что было потом. Со свойственным тебе остроумием, конечно.

Это заняло десять минут, почти как изложение фактов Вулфу, хотя меня то и дело прерывали вопросами. Я подробно и без утайки описал все, чему был свидетелем. Когда я закончил рассказ, мы вернулись к самому началу. Нунан принялся настойчиво выяснять, все ли слышали, как миссис Рэкхем сказала, что собирается выгулять собаку, хотя это было совершенно очевидно, так как она приглашала каждого.

Потом меня отвели назад в гостиную, а на допрос вызвали Лину Дэрроу. Я спросил себя, станет ли она разыгрывать простушку с лейтенантом, так же как со мной.

Даже не припомню, когда более никчемно проводил время в последний раз. С таким же успехом я мог быть бездомным псом. Никому не было до меня ровным счетом никакого дела. Я даже не имел права намекнуть, насколько они заблуждаются. Один раз я всерьез попытался завязать разговор, обходя всех подряд и бросая реплики, но тщетно.

Дана Хэммонд едва удостоил меня взглядом и не удосужился даже рта раскрыть. Оливер Пирс вообще не посмотрел в мою сторону. Лина Дэрроу пробормотала нечто нечленораздельное и отвернулась. Кэлвин Лидс спросил, что сделали с останками Нобби, а выслушав мой ответ, кивнул, нахмурился и подбросил в пламя очередное полено. Аннабел Фрей поинтересовалась, не хочу ли я еще кофе, но, услышав, что хочу, никак не отреагировала на мои слова. Барри Рэкхем, которого я заловил в углу комнаты, оказался самым разговорчивым. Сначала он пожелал узнать, есть ли здесь кто-нибудь из офиса окружного прокурора. Я сказал, что не знаю. Тогда он спросил, как зовут лейтенанта полиции, который задает вопросы, и я ответил, что Коном Нунаном. Эта беседа оказалась рекордно длинной: целых два вопроса и столько же ответов.

Впрочем, немного позже, когда на сцене появился окружной прокурор Кливленд Арчер, я кое-чего добился. Едва он вошел в гостиную, представился и все поднялись на ноги, чтобы подойти к нему, я кинул взгляд на его ботинки и сразу догадался, что он побывал в лесу, на месте убийства миссис Рэкхем. Оттуда же явно прибыл и Бен Дайкс, глава сыщиков округа Уэстчестер, который сопровождал Арчера. Мое настроение немного поднялось. Не мог же

Арчи Гудвин проторчать здесь целую ночь и не сделать ни единого мало-мальски ценного умо- заключения!

После нескольких ничего не значащих реплик, обращенных к отдельным лицам, Арчер произнес речь:

– Это кошмарное, жуткое злодеяние. Мы установили, что миссис Рэкхем и ее собаку закололи насмерть в лесу. Вы знаете, что орудие убийства мы нашли. Вам его предъявляли. Это один из столовых ножей, которые держат здесь, в гостиной, в ящике. Вы пользовались такими ножами во время обеда. У нас есть также протоколы допроса каждого из вас, но, конечно, мне придется еще побеседовать с вами. Сейчас, в столь неурочное время, я этого делать не стану. Уже четвертый час, так что я вернусь утром. Хочу спросить только, не желает ли кто-нибудь из вас поделиться со мной соображениями, которые не терпят отлагательства? Нет? – Он обвел глазами присутствующих.

Все словно воды в рот набрали. Болтливая подобралась компания, нечего сказать. Все, включая меня, просто стояли и смотрели на него. Меня так и подмывало разрядить обстановку, задав вопрос или ввернув меткое словцо, но я предпочел лишний раз не напоминать о своем присутствии.

Впрочем, напоминать и не потребовалось. После того как все, включая прислугу, покинули гостиную и мы с Лидсом начали продвигаться к выходу, послышался голос Бена Дайкса:

– Гудвин!

Лидс продолжал идти. Я обернулся.

Дайкс подошел ко мне:

– Мы хотели задать вам пару вопросов.

– Валяйте.

К нам присоединился окружной прокурор Арчер со словами:

– Бен, лучше там, у Нунана.

– Они с Нунаном как кошка с собакой, – возразил Дайкс. – Помните сцену у Сперлинга в прошлом году?

– Ничего, я сам им займусь, – заявил Арчер и прошествовал через коридор в комнату, где Нунан сидел за столом и переговаривался с коллегой – тем самым, что доставил меня из Хиллсайд-Кеннелса.

При нашем появлении коллега вскочил и остался подпирать стенку. Нунан же привстал было и вновь уселся, как только Арчер, Дайкс и я расселись по стульям.

Арчер, немного округлившийся за прошедший год, с припухшим одутловатым лицом и красными от бессонницы глазами, упер локти в стол и обратился ко мне:

– Гудвин, я хочу поговорить с вами начистоту. – Тон его был серьезным и вовсе не оскорбительным.

– Я целиком к вашим услугам, мистер Арчер, – заверил я. – Тем более что никогда еще прежде со мной не обращались как с пустым местом.

– Нам было некогда. Лейтенант Нунан, конечно, доложил о том, что вы ему рассказали. Откровенно говоря, мне трудно этому поверить. Всем известно, что Ниро Вулф отклоняет предложения дюжинами каждый месяц и берется только за те, которые его по-настоящему интересуют, и что самый простой и быстрый способ заинтересовать его – это предложить ему заманчивый гонорар. Так вот теперь...

– Это не единственный способ, – возразил я.

– А я и не говорил, что единственный. Я знаю, у него свои мерки и он щепетилен до привередливости. Вот потому-то я и не могу поверить, что он заинтересовался отравлением собаки, причем настолько, что послал вас сюда на уик-энд. И я крайне сомневаюсь, что Кэлвин Лидс, судя по тому, что я о нем слышал, в состоянии предложить Вулфу достаточно привлекательный гонорар. Его кузина, миссис Рэкхем, – иное дело. Но она никогда не любила сорить

деньгами, скорее наоборот. Конечно, мы собираемся расспросить и самого мистера Вулфа, но я думал, что сэкономлю время, если сначала задам эти вопросы вам. Я призываю вас сотрудничать с нами, чтобы раскрыть это трусливое и подлое убийство. Как вам известно, я имею право настаивать на этом. Однако, хорошо зная Вулфа и вас, я предпочитаю воззвать к вам как к законопослушному гражданину, а также как к частному детективу с лицензией на право работы в нашем штате. Повторяю: я не верю и никогда не поверю, что вас послали сюда только для того, чтобы вы расследовали дело об отравлении пса.

И они принялись пожирать меня глазами.

– Не только, – спокойно ответил я.

– Ха, вот, значит, как!

– Да, черт возьми! Как вы сами изволили заметить, мистера Вулфа это не заинтересовало бы.

– Опять наврал, каналья! – злорадно ощерился Нунан.

– Вы, как всегда, заблуждаетесь, – возразил я с наилюбезнейшей улыбкой. – Вы же не спросили, зачем меня сюда послали, и даже не намекнули, что вам это было бы интересно. Вы всего лишь спросили, расследую ли я дело об отравлении пса. Я ответил, что потратил на него всего час, что было сущей правдой. Вы также спросили, что я успел выяснить, и я чистосердечно признался, что ничего особенного. Потом вы захотели узнать, что я видел и слышал за обедом и после обеда, и я выложил все начистоту. Конечно, это был самый дурацкий и нелепый допрос из тех, которым мне приходилось подвергаться, но ничего, со временем научитесь. Прежде всего надо...

– Ах ты, чертов... – вырвалось у Нунана.

– Предоставь дело мне! – цыкнул на него Арчер и обратился ко мне: – Могли бы и сами сказать, Гудвин.

– Нет уж, дудки, только не ему! – отрезал я. – Однажды я сглупил и сделал именно так, но он остался недоволен. К тому же я сомневаюсь, чтобы у него хватило мозгов понять.

– Что ж, посмотрим, пойму ли я.

– Да, сэр. Миссис Рэкхем позвонила в четверг днем и договорилась о встрече с мистером Вулфом. Она приехала вчера утром, в пятницу, в одиннадцать. И с ней был Лидс. По ее словам, когда она вышла замуж за Рэкхема три года и семь месяцев назад, у них так повелось, что всякий раз, как он просил, она давала ему денег на карманные расходы. Однако аппетиты его постоянно возрастали. И она стала давать меньше и меньше, пока наконец второго октября прошлого года он не попросил пятнадцать тысяч и она отказала совсем. Дала ему шиш. С тех пор, за последние семь месяцев, он ничего не просил и не получал, но тем не менее продолжал много тратить, а это ее сильно мучило. Она наняла мистера Вулфа для того, чтобы выяснить, как и откуда ее муж добывает деньги. А меня послали сюда взглянуть на мужа и по возможности разнюхать, что к чему. Мне требовался только предлог, чтобы приехать. Отравление пса подвернулось кстати, хотя, согласен, предлог несолидный. – Я махнул рукой. – Вот и все.

– Вы говорите, Лидс был с ней? – резко спросил Нунан.

– Вот что я имел в виду, – повернулся я к Бену Дайксу, – когда говорил о манере Нунана вести допрос. А ведь он прекрасно слышал, как я сказал, что Лидс был с ней.

– Да, – сухо согласился Дайкс. – Но не стоит так язвить по этому поводу. Здесь не пикник. – Он перевел взгляд на Нунана. – А сам Лидс упоминал об этом?

– Нет. Впрочем, я не спрашивал.

Дайкс встал и обратился к Арчеру:

– Может, стоит послать за ним? Он ушел домой.

Арчер кивнул, и Дайкс вышел.

– О господи! – с чувством и расстановкой произнес Арчер, адресуя, должно быть, эти слова гражданам Нью-Йорка, поскольку на нас он не глядел. Какое-то время он сидел, кусая губы, потом спросил меня: – Это все, чего хотела миссис Рэкхем?

– Это все, о чем она просила.

– Ссорились ли они с мужем? Угрожал ли он ей?

– Она не говорила.

– Что в точности она говорила?

Это заняло полчаса. Для меня пара пустяков извлекать из памяти нужные сведения, не забывая, впрочем, про наказ Вулфа не упоминать о колбасках. Арчер не подозревал, на что способна моя память, поэтому я не стал утруждать себя дословным изложением разговора с миссис Рэкхем, хотя мне это было раз плюнуть. Правда, он все равно не поверил бы, решив, что я приукрашиваю. Тем не менее, когда я закончил, он знал всю подноготную.

Потом меня оставили для очной ставки с Лидсом, которого привезли, когда я только начинал рассказ, но продержали в гостиной, пока я не закончил. Так что, хотя меня наконец и допустили к праздничному столу, это случилось слишком поздно, чтобы я успел услышать что-то новое.

У Лидса, практически считавшегося членом семьи, им надо было выяснить не только подробности посещения Ниро Вулфа, но и обстоятельства тому предшествовавшие. Так что на это ушло еще полчаса, если не больше. Сам Лидс, по его словам, понятия не имел, откуда у Рэкхема деньги. Расследование, которое он предпринял по настоянию кухни, не принесло плодов. Он никогда не был свидетелем ссор и не слышал о ссорах между кухней и мужем. И так далее. Нуану он не сказал о визите к Вулфу и настоящей причине моего приезда в Берчвейл, потому что тот об этом не спрашивал, а сам Лидс предпочел подождать, пока его спросят.

Наконец окружной прокурор Арчер решил, что на сегодня достаточно, встал, потянулся, потер покрасневшие глаза, задал Дайксу и Нуану несколько вопросов, отдал распоряжения и обратился ко мне:

– Вы остановились у Лидса?

Я ответил, что пока особо у Лидса не задерживался, но моя сумка и в самом деле там.

– Хорошо. Тогда продолжим завтра... Вернее, сегодня.

Я сказал, что да, непременно, и вышел вместе с Лидсом. Бен Дайкс предложил подбросить нас, но мы отказались.

Вместе с Лидсом, не переговариваясь, мы срезали угол и двинулись напрямик к лесной тропинке, не петляя по извилистым дорожкам. Забрезжил рассвет, вот-вот должно было вынырнуть солнце. Ветерок стих, о чем радостно поведали ранние птицы. Темп, который задал Лидс, поднимаясь вверх по пологому склону и шагая ровным участком, уступал его привычному галопу, что меня вполне устраивало. Не в том я был настроении, чтобы затевать гонки, как бы ни желал побыстрее добраться до постели.

Внезапно Лидс замер как вкопанный, так что я чуть не налетел на него. Впереди на тропинке, шагах в тридцати, маячила фигура мужчины, стоявшего на четвереньках. Заприметив нас, он поднялся и выкрикнул:

– Стойте! Кто вы такие?

Мы представились.

– Что ж, – сказал он, – придется вам изменить маршрут. Пройдите кругом. Мы здесь только начали. Ни свет ни заря, ха-ха!

Мы полюбопытствовали, какова протяженность запретной зоны, и он сообщил нам, что ярдов триста, на противоположном конце уже работает его напарник. Мы покинули тропу и направились вправо, в обход, что замедлило продвижение, хотя лес был не такой уж густой. Через пару минут я спросил Лидса, сможет ли он узнать то злополучное место, и мой спутник утвердительно кивнул.

Вскоре он остановился, и я догнал его. Я и сам узнал бы это место, поскольку его отгородили веревками, натянув их полукругом между деревьями. Мы приблизились вплотную к веревкам и молча остановились.

– А где Геба? – наконец спросил я.

– Им пришлось послать за мной, чтобы увести ее. Сейчас она в клетке Нобби. Ему клетка больше не понадобится. Полиция забрала его.

Мы пришли к безмолвному согласию, что больше нас тут ничего не интересует, и возобновили путь, не приближаясь к тропинке, пока не поравнялись с напарником давешнего следопыта, что означало конец запретной зоны. Напарник не только остановил нас грозным окриком, но еще долго и придирчиво выяснял, как это таким кровопийцам и лжецам удастся столь успешно прикидываться добропорядочными гражданами. В конце концов он смиростивился и отпустил нас.

Я был рад, что Нобби увезли, поскольку мне не улыбалось опять войти в крохотную прихожую и увидеть его труп на лавке. В остальном дом выглядел таким же, каким мы его оставили.

Лидс задержался у псарни, а я поднялся в свою комнату и уже стаскивал брюки, которые в суматохе натянул поверх пижамных штанов, как вдруг ослепительная вспышка за окном заставила меня вздрогнуть. Я подошел к окну и выглянул наружу. Оказывается, солнце решило надо мной подшутить, возвестив таким образом о своем пробуждении. Я взглянул на наручные часы, убедился, что они показывают 5:39. Тем не менее, как я уже говорил, у меня не было уверенности в том, что я наблюдаю настоящий восход. Не опуская шторы, я лег на кровать, вытянулся и сладко зевнул, едва не вывихнув челюсть.

Входная дверь приоткрылась, потом захлопнулась. На лестнице послышались шаги. Лидс появился в проеме моей распахнутой двери, постоял, словно колеблясь, потом зашел и сказал:

– Мне через час надо вставать и заниматься собаками, так что я закрою вашу дверь. – Я поблагодарил, но он не сдвинулся с места. – Моя кухня заплатила Вулфу десять тысяч. Что он теперь будет делать?

– Не знаю, еще не спрашивал. А что?

– Мне пришло в голову, что он, возможно, захочет потратить эту сумму или хотя бы ее часть в интересах покойной. Если полиция не найдет убийцу, например.

– Не исключено, – согласился я. – Я предложу ему.

Лидс продолжал стоять, словно его заботило еще что-то, и наконец выдал из себя:

– Такое случается даже в лучших домах, – затем попятился, прикрывая за собой дверь.

Я смежил веки, но даже не попытался очистить голову от мыслей. Если я засну, то одному Богу известно, когда проснусь, а я твердо настроился позвонить Вулфу в восемь утра, за пятнадцать минут до того, как Фриц войдет в его комнату с завтраком на подносе. А покамест, решил я, придумаю что-нибудь выдающееся для детективного бизнеса. После нескольких минут напряженной умственной работы я сообразил, что мне даже не с кем поделиться ее плодами. Лидс не в счет. Менее благодарного и словоохотливого слушателя и вообразить нельзя.

Есть у меня привычка вдруг подмечать, что некоторое время назад я уже неосознанно принял какое-то вполне определенное решение. Так произошло и тем утром в 6:25. Взглянув в очередной раз на часы и отметив, что стрелки показывают именно это время, я внезапно осознал, что бодрствую и, следовательно, могу не только позвонить Вулфу в восемь, но и смыться домой, чтобы доложить ему лично, как только буду уверен, что Лидс уснул, а в ту минуту я как раз был в этом уверен.

Я встал, сбросил пижаму, натянул свою одежду, не стараясь установить рекорд, но и не слишком копясь, и, держа в одной руке сумку, а в другой туфли, на цыпочках выбрался в коридор, спустился по ступенькам и вышел на каменное крыльцо.

Я удираю вовсе не от Кэлвина Лидса, просто мне казалось вполне благоразумным исчезнуть из округа Уэстчестер, прежде чем кто-нибудь обнаружит, что я вовсе не почиваю в мягкой постели наверху.

Однако не тут-то было. Я сидел на крыльце, завязывая шнурок на второй туфле, когда залаяла собака, и это послужило сигналом для всех остальных. Я кое-как вскочил на ноги, схватил сумку, вихрем промчался к машине, подгоняемый заливающим лаем и адскими завываниями, отомкнул дверцу, залез внутрь, запустил мотор, развернулся и уже почти миновал дом, когда в дверном проеме появился Лидс. Я надавил на тормоз, высунул голову и с криком «Я по срочному делу, до скорого!» лихо проскочил воротца и выбрался на дорогу.

В столь раннее воскресное утро дорога была пустынна. Яркое свежее солнце светило слева так весело, что путешествие оказалось бы вполне приятным, будь у меня соответствующее настроение. Но его не было.

Нынешнее положение дел разительно отличалось от того, что складывалось в двух предыдущих случаях, когда мы пересекали дорогу Арнольду Зеку и кто-то при этом погибал. Тогда эта печальная участь постигла подручных Зека, а он сам, Вулф и общество оказались по одну сторону баррикад. На сей же раз главным подозреваемым был Барри Рэкхем, человек Зека.

Теперь Вулф должен был либо возвратить полученные от мертвого клиента десять тысяч, либо оставить деньги себе, не предпринимая попыток их отработать, если желал избежать лобового столкновения с Зеком. Зная Вулфа, как никто другой, я гнал машину со скоростью восемьдесят пять миль в час в южном направлении по Сомилл-Ривер-парквей.

Часы на приборной панели показывали 7:18, когда я свернул с Вестсайдского шоссе на Сорок шестую улицу. Мне надо было проехать по ней до Девятой авеню и потом повернуть к югу. Улица выглядела такой же пустынной, как и загородное шоссе. Повернув направо на Тридцать пятую улицу, я пересек Десятую авеню и, чуть-чуть не доезжая до Одиннадцатой, заглохнул мотор перед старым особняком из бурого песчаника.

Двигатель еще чихал и кашлял, когда я заметил нечто такое, отчего глаза мои едва не вылезли из орбит. Подобного мне не приходилось видеть никогда, хотя я тысячи раз останавливал здесь машину.

Входная дверь была распахнута настежь.

Глава 6

Душа моя ушла в пятки. Вытряхнув ее оттуда, я тигром выпрыгнул из машины, пересек тротуар, взлетел на семь ступенек и ворвался внутрь. Фриц и Теодор уже встречали меня в прихожей. Одного взгляда на их лица было достаточно, чтобы на сердце заскребли кошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.